Издательство
Союз писателей
Сила в творчестве

Олег ПРЯНИЧНИКОВ

Вывод

Сборник иронических,
юмористических и сатирических произведений

Новокузнецк - 2015

УДК 882-32
ББК 84(2 Рос+Рус)

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателей запрещается.

© П/858 **Олег Пряничников**,
Вывод – Новокузнецк:
«Союз писателей», 2015 – с. 152

ISBN

© Олег Пряничников, Верхняя Салда, 2015
© «Союз писателей», Новокузнецк, 2015

Стой! Кто идёт?!

Из нас никто не спал. Мы все дежурили-караулили. Поочерёдно.

В ночь на двадцать восьмое декабря дежурила тёща. Она забаррикадировалась в кухне табуретками и стойко простояла всю ночь у холодильника.

На утро в банке с чёрной икрой не хватало семь столовых ложек, с красной – четыре. Кабачковую бог миловал. Но от салями остался только хвостик .

– Я задремала всего на секундочку, а вы как последние диверсанты воспользовались этим,– возмущалась тёща.

– Да мы это. Мы конечно не спали. Минуты четыре. А потом как дети,– переглядывались я и жена виновато.

– А я вообще – ребёнок,– отрезал наш отпрыск девяти лет. – Поэтому всю ночь спал тоже как ребёнок ,то-есть как младенец. Короче,без задних ног я спал, никуда не вставал.

В ночь на двадцать девятое декабря он дежурил – сын. Ведь рано утром в школу сорванцу, ан нет, вызвался караулить.

На кухне он включил дивиди, телевизор и лёг на табуретки, тем самым преградив путь к холодильнику.

На утро в коробке с конфетами-ассорти не хватало двенадцать конфет, в коробке с безе десять безешек, торт с красивой надписью «С НОВЫМ ГОДОМ! был съеден наполовину.

– Как вы могли!-Возмущался с лицом, вымазанным шоколадным кремом сын.– Я заснул всего лишь на секундочку, а вы , как последние сладкоежки!

– Да мы минут восемь не спали! А потом как дети!– вспыхнули мы с женой.

– Да-да. И я минут восемь, а потом мы усе – хры-ы, – подтвердила наше алиби тёща, а заодно и себя оправдала.

В ночь на тридцатое декабря караулила холодильник жена. Ей простили всё, потому что из холодильника бесследно пропали только солёные огурцы (три литра) и баночка майонеза (литр).

В ночь на тридцать первое декабря я сказал им:» Ничего не знаю, моя очередь охранять холодильник.» Все разошлись по комнатам подавленные, один я был в приподнятом настроении, которое сохранялось у меня всю ночь.

На утро я не возмущался. Я был не в силах.

Подсчитали убытки. Бутылка коньяка и бутылка водки опустели больше чем на половину. От копчённой горбуши остались одни горбики. От маринованных груздей, которые тёща берегла с лета , остались пустая двухлитровая банка и журнальная фотография знатока Друзя, которую тёща зачем-то наклеяла на банку.

Вечером тридцать первого декабря всем семейством мы собрались ,чтобы проводить старый год.На столе было всё что было в холодильнике, а ещё мы наготовили оливье.В атмосфере царила некая напряжённость.

– Говорила я, не надо запасаться на Новый год заранее,– проворчала жена, хрустя квашенной капустой.– Сейчас же в магазинах всё есть! Пошёл, купил!

– Ой-ли! Ой-ли!– парировала тёща.– Сёдня есть, завтра нету, знаем, проходили. И народищу в магазинах тридцать первого не протолкнуться.

Короче, как бы то ни было. потихоньку мы развеселились. А когда шампанское выстрелило под удары курантов, атмосфера разрядилась окончательно. Тут дед Мороз к нам пришёл пьяненький, сынок стих прочёл взрослый, я спел. В общем Новогодний праздник удался. И оливье хватило всем!

Азартный Василий

– Я чувствую, мне сегодня повезёт,– сказал Василий, садясь к столу.

На очаровательном личике девушки (она же крупье) застыла загадочная улыбка Джоконды.

Василий водрузил на стол стопку разноцветных фишек, снял несколько с верху и положил их возле крупье. Та блеснула глазками, две карты легли на стол, Василий открыл свою.

– Ещё,– востребовал он. После некоторого раздумья снова востребовал: – Ещё... Чёрт! Перебор!– он с досадой швырнул карты на стол.

– Казино выиграло,– ласково объявила девушка и также ласково спросила: – Играем дальше?

– Играем,– рубанул Василий.

На этот раз он резко увеличил ставку – его стопка фишек уменьшилась на половину.

– Ещё!– Когда Василий вложил в ладонь вторую карту, то по его лицу пробежала радостная дрожь, у него было двадцать.– Себе,– сказал он мягко и даже стал тихо насвистывать.

– Не свистите – денег не будет,– предупредила девушка, Василий замолк.-Что у вас?

– У меня ... двадцать.

– Понятно.– В ответ она стала набирать себе.– Двадцать одно,– нежно объявила крупье.– Казино выиграло.

– Ёлы-палы!– нервно выпалил Василий.– Ставлю всё. Всё!– И он пододвинул к крупье оставшиеся фишки.

И снова две карты легли на стол.

– Ещё!– выкрикнул Василий, когда открыл туза. И тут к тузу он получил десятку.– Двадцать одно! Я выиграл!– закричал он радостно и с шлепком припечатал свои двадцать одно к крышке стола.

– Минуточку, – бархатным голоском пропела невозмутимая крупье. Сейчас моя очередь. По правилам казино, если крупье наберёт столько же сколько и игрок, то казино остаётся в выигрыше.

– Правила мне известны, – прохрипел Василий и весь напрягся.

Девушка открыла свою карту, добавила к ней ещё одну, потом ещё... Двадцать одно. Казино выиграло! – объявила крупье.– А теперь, милый,– вдруг в её голосе появились металлические нотки. Кстати, крупье звали Леной и она являлась законной женой Василия. – А теперь, милый,– сказала Лена, жена Василия,– подведём итоги. Она сложила все выигранные фишки в кулачок, а затем по одной их стала метать на стол: – Эта фишка – мытьё посуды, эта – стирка белья, эта – готовка ужина, эта – поход в магазин, эта – вынос мусора, чистка ковра... Короче, ты проигрался в пух и прах, любимый, при чём на неделю вперёд. Не грусти, дорогой. Ты же сам придумал: играть в очко на домашние дела, вместо того, чтобы их просто поделить – тебе мужские, мне женские. Так что за дело, Василий!

Лена подмигнула мужу и в прекрасном настроении покинула кухню.

Через некоторое время он пришёл в себя и принялся за мытьё посуды.

«Ничего,– скобля сковородку думал Василий.– Со следующей недели меняем очко на рулетку. Уж в неё мне точно повезёт.»

Артистка огородная

Деревня. Завалинка. Свидание молодых влюблённых.

– Здравствуй , Клава, девочка моя.

– Здравствуй, Коля. Спасибо тебе, конечно, за девочку но теперь я не только твоя.

– Не понял....

– А что тут не понятного. Теперь, Коля, я – народная.

– Опять не понял.

– Да что ты заладил: не понял – не понял! Артистка теперь я. Народная. Ты же сам прекрасно знаешь как я мечтала стать артисткой. И вот стала, при чём сразу – народной.

– Да как так-то?

– А вот так: съездила в город, в подземном переходе заказала себе корочку, меня сфотографировали, съездила второй раз, выкупила эту корочку. Ну, корочку, удостоверение, понял?

– Теперь понял. Покажи.

– На! Гляди!

– Так (читает). Удостоверение. Так. Народная артистка Риссии. Риссия – это что? Китай что-ли?

– Да это просто описка, Коля. Можно ведь подправить. Тихонько.

– Тихонько, говоришь. (читает дальше) Народная артистка Риссии Пулькина Клавдия Владимировна. Но ты же Васильевна, Клава!

– Да какая разница – какое отчество. Можно ведь подправить.

– Тихонько?

– Ага. Тих...онько. Зато фотография моя.

– Фотография-то твоя . Сколь отдала?

– Пят...

– ????

– Десять тыш.

– Десять тыш!!!

– Зато я теперь артистка. Народная.

– Ой-ли. Странная какая-то корочка...Клава! А ты обложку этой корочки внимательно разглядывала? Смотри на оттиск.

– Ну, смотрю – золотыми буквами: УДОСТОВЕРЕНИЕ.

– А ниже. Читай!

– УДОСТОВЕРЕНИЕ ..НКВД...

– Ну ты и отчебучила... артистка. Подшутили над тобой. За твои же деньги.

– Ха! Так всё же правильно! НКВД – это значит Народная Клавдия ВлаДимировна.

– Васильевна. А лучше так – Народная Клавдия Васильевна – дура!

– Ы-ы-ы!!! Лоханулась я, Коля-я-я!!!

– (обнимает её) Эх– ты, артистка моя...огородная, не плачь уж...

Почитатели Вуду

Этот студент и эта студентка – Владлен и Валерия – чё учудили. Они, почитатели Вуду, влюблённые друг в друга, однажды, поссорившись из-за какого-то пустяка, прокляли друг друга. Они сварганили куколок и стали их мучить иголками и прочей ерундой, наивно веря, что они этим самым мучают непосредственно друг друга.У него куколка получилась не очень. Слепил он её из пластилина, слепил на скорую руку. Куколка получилась безликой,со спичками вместо ручек, ножек и волос. И имя ей было дано – Валерьянка. Владлен, изготовив такого монстрика, тут же проткнул его

спичкой. «Так тебе!» – рыкнул и швырнул Валерьянку в свой стол. Валерия шила Владурака (так она назвала свою куклу) всю ночь. И животик, и головку, и ручки, и ножки и... так далее она тщательно набила ватой. И глазки-то ему пришила, и и носик, и ротик, и... так далее. Всё из разного цвета материи. Молодец! Аккуратная девочка. Также аккуратненько она воткнула большую иглу во Владурака, рыкнув при этом: «Так тебе!» Затем она притулила бедную куклу к своим детским игрушкам, на полку. Шли дни. Как-то Владлен и Валерия попробовали помириться, но у них не заладилось. Вот тут-то и началось «настоящее Вуду».

В этот же день Владлен, психуя, перетянул шейку Валерьянке нитью и повесил ту над своей кроватью. Фашист! А она, Валерия, в этот день воткнула во Владурака аж дюжину маленьких, но острых иголочек. И в глазки, и в носик,и в ротик. А «так далее» вообще оторвала с корнем. Садистка! Как говориться – от любви до ненависти один шаг. Короче, эти почитатели Вуду, возненавидили друг друга. И теперь, после каждой их невольной встречи (а они ведь учились в одном институте) С Валерьянкой и с Владураком происходило что-нибудь ужасное – у одной вспыхивали ручки и ножки, у другого отрывались глазки, у одной горели волосы, у другого добавлялись острые иголки. В общем, со временем некогда более-менее симпатичные куклы превратились в маленьких ёжиков-уродцев.Но... вдруг... с Валерией что-то произошло, она затосковала, ей стало жалко Владурака. Она взяла и пришила ему новое «так далее», нарядила его шапочкой и шарфиком. А иголочки, которые она по-прежнему всё-таки втыкала в него, теперь были разноцветными, праздничными. Пожалел и Владлен Валерьянку – как-то он придумал ей паричок, отрезав локоны от белоснежной капроновой мочалки, потом он слепил из белого пластилина достойные ручки и ножки. Прилепил их к фигурке, а ножки обернул в юбочку,

использовав обёртку от шоколадной конфеты. И главное – он освободил шейку Валерьянки от нити. И вместо висения она теперь сидела на полированной спинке кровати, прислонившись к обоям. И вот однажды, не сговариваясь, в один и тот же день, в одно и то же время, Владлен и Валерия пришли на старое место их свиданий. К фонтану, дно которого сверкало монетками, или к памятнику Пушкина, возле которого сумасшедший поэт декламировал свои стихи, или к часам-цапле... Да важно ли это? Они встретились и протянули друг другу ёжиков-уродов и, ужаснувшись, рассмеялись. Она хохотала, держа на распятой ладони Валерьянку, он ржал, с любопытством вертя Владурака. Они помирились. А мне кажется – Вуду их и помирил.

Глаза закрою, вижу...

Действующие лица:

Сашка, Пашка, Ирина – *молодые люди 18-20-ти лет.*

Комната Саши, он сидит за монитором. Недалеко от него на диванчике, с журнальчиком в руках, развалился его дружок – Пашка. Сашка на одном из сайтов знакомств просматривает фотографии девушек. В какой-то момент он закрывает глаза и видит перед собой очаровательную девушку, её длинные волосы вьются на ветру, она бесподобна, за кадром льётся красивая музыка. И тут Сашка вздрагивает от голоса Пашки, он открывает глаза.

Пашка: Опять?

Сашка: Ничего с собой поделать не могу – вижу её и всё.

Пашка: Но ты же не можешь влюбится в девушку, которую сам придумал. Значит ты её где-то видел раньше.

Сашка: Может быть и видел.

Пашка: А может это у тебя болезнь какая-то? А, Сашок? Ты бы взял да и спросил у людей в интернете – есть ли у кого ещё такая же проблема.

Сашка: А что! И спрошу! *(печатает)* О! Ответы пошли.

Пашка: Ну-ка, почитай-почитай.

Сашка: Никас пишет: « Как закрою глаза – вижу перед собой прапорщика, никак не выходит из головы эта армия, мать её. Особенно прапорщик, мать его.»

Пашка: Ха!

Сашка: Ещё. «Насчёт глаз не скажу, а вот уши затыкаю часто... наушниками. Меломан»

Пашка: Ха! Ещё есть?

Сашка: Есть. «Затыкаю только нос – в общаговском туалете»... Одна ерунда короче. Пашка!

Пашка: Ну!

Сашка: Тут одна Ирина пишет, Ирина-художница. «У меня точно такая же болезнь как у тебя,– пишет она.– Я когда закрываю глаза, то вижу перед собой человека, которого люблю. Но встретить его никак не получается. Я всё время рисую его лицо. А вот это я» Пашка! Фотография её! Глянь!

Пашка *(подлетает к монитору):* Это она?

Сашка: Она. Она – моя Ирина. Господи, сердце-то моё как бьётся. Сейчас предложу ей знакомство.

Пашка: Подожди, Сашок. Не спеши. Ты знаешь чего, ты напиши ей, пусть этот, портрет своего любимого предъявит. А вдруг это ты. А вдруг – это хорошая шутка судьбы!

Сашка: Да я просто уверен что она видит меня! *(печатает).*

Комната Ирины, она сидит за монитором. Она только что прочитала Сашкин новый текст и отправила ему пор-

трет любимого человека. Ирина закрывает глаза, за кадром льётся красивая музыка.

Комната Сашы.

Сашка: Паша, рисунок появился!

Пашка: Вижу...

И тут возникает пауза. Пашка открывает рот от удивления, Сашка хватается за голову.

Сашка *(потеряно)*: Это не просто плохая, это очень злая шутка судьбы...

Пашка: А что, у твоей Ирины есть вкус ...

Крупным планом монитор. На мониторе лицо нарисованое карандашом – это Пашка.

В атобусе

Рейсовый автобус, битком набит пассажирами. Пожилая пара сидит где-то посередине салона.

Он: Ох и народу. Галюха, ох и народу.

Она: Хорошо, что мы на самой первой остановке сели.

Он: Слышь, Галюха, может мне уступить место вот той старушенции. Жаль её.

Она: А сам-то, не старик? Ладно, тебе виднее.

Он: Эй! Старушенция! Подгребай к нам, я тебе место уступлю (привстаёт).

Старушенция: Ой, спасибо, милок. Ой, спасибо... Митя?!

Он: Таня?! (снова садится).

Старушенция: Митя!!

Он *(смутившись перед женой):* Галюня, это Таня: подруга детства, вместе в институте учились...

Она *(смерив старушенцию нехорошим взглядом):* Так вот ты какая – Таня. Это имя не раз я слыхала от своего муженька. Он, знаете ли, лю-ю-юбит во сне разговаривать.

Старушенция: Пойду я.

Она: Стоять!!! Ой, кожа да кости, горбик вон, клюка. Мить, глянь, у неё клюка. А ты, гад, во сне. И не только!

Он: Галюнь, когда это было.

Она: Ах-ты, старушка-одуванчик. Да я щас как дуну!

Старушенция: Люди! Выпустите меня! Я на ходу выйду!

Люди: Стоять!!! Нам интересно.

Она: А ну садись. А ты, Митя, потеряйся на время!

Люди: Х-а-а!!!

Она: Тихо там – всем! Ну как живёшь, Таня? Я же бывало с твоим именем и ложилась, и просыпалась и...Короче, ты мне как родственница была. Как живёшь, Таня?

Старушенция: На пенсию молюсь, Галя.

Она: И мы.

Старушенция: По-женски болею.

Она: И я.

Старушенция: Внуки задолбали.

Она: И нас.

Старушенция: Жизнь прожила – как будто и не жила.

Она: Мда.(кивнув на мужа, стоящего в толпе) Эх, а за что бились-то, Тань? За этого сморчка лысого? Пузатого, кривоногого, больного?

Старушенция: Ну, одно-то достоинство у него было.

Она: Вот именно – было...

Люди *(ему)*: Батя! Выпить хочешь?!

Он: Наливай. Ей, трясёт.

Люди: Ну, чуть расступитесь, трясёт же!

Старушенция: Помириться бы.

Она: Да будь ты здорова!
Люди: Пей, батя, пей!
Она: О! Остановка наша! Ми-и-тя! Выходим!
Он: Я ехала домо-о-ой!

Кое-как выходят.

Счастливого вам пути!

Поза цапли, стоящей на одной ноге.

Правую, либо левую ногу, согнув в колене, вы поднимаете строго вверх. Затем, стопу, поднятой ноги, подошвой вы прижимаете к удобной вам ягодице. Прижимаете как можно крепче. Затем. Кисти рук вы прячете у себя под мышками. Теперь самое интересное. Находясь в такой позе, вы должны удерживать в клюве сумку весом от пяти и более килограммов.Удерживайте её до потери пульса.

Следующая поза – поза глухонемой, слепой обезьянки.

Молниеносно вы запрыгиваете на кого-либо или на что-либо. Запрыгнув, вы должны цепко держаться за предмет, на который запрыгнули, ногами. А руками вы должны обхватить свою голову так, чтобы никого не слышать и никого не видеть. Ну и, соответственно, разговаривать ни с кем не надо.

И наконец третья поза – поза затравленного червячка.

Как можно сильнее втяните в себя живот, грудь и всё остальное. Затем прилипните к любой вертикально стоящей поверхности и ползите к потолку. На потолке замрите. Замерев, затравленно поглядывайте по сторонам.

Итак. Мы познакомили вас с очень необходимыми вам тремя позами. В следующий раз вы узнаете всё о позе дохлой мухи, о позе дохлой мухи, размазанной по стеклу, и

о позе последнего огурца, только что втиснутого в полную банку для предстоящего соления.

Напоминаем, все рекомендуемые позы вы легко можете отработать в автобусах рейсов: семь, восемь, шестнадцать и сто одиннадцать муниципального автопарка нашего города.

АТП «ЕЗДАКОМФОРТ»!!!

МЫ всегда заботимся о наших пассажирах!

Счастливого вам пути!

(заметка из газеты «Общественный транспорт», напечатано на правах рекламы)

Моя женщина

Моя женщина варила борщ. Наша кухня, и без того маленькая, теперь казалась совсем крохотной, потому что в ней кроме меня находилась ещё моя женщина. Она стояла у плиты и варила борщ.

– Милый,– прощебетала она, развернувшись ко мне,– сегодня,– она отхлебнула из поварёшки, у нас – борщ.

– Ой-ли,– усомнился я, сидя за кухонным столом и загородившись газетой

– Ах ты сомневаешься? Ничего себе!– моя женщина нахмурилась, но не надолго. Она хитро прищурилась. А я настороженно вздрогнул, поглядывая на неё поверх газеты.

– Милый, у нас будет борщ,– настойчиво пообещала мне моя женщина.– С мясом, капустой, свеклой, картофелем, свежим помидором, морковкой, петрушкой и чесночком.

– Ты ничего не забыла?

– Я? – она снова окунула поварёшку в кипящую кастрюлю. Отхлебнула. Ещё отхлебнула. Наконец сказала, причмокивая:

– Ты прав, милый

– Началось,– выдохнул я и уткнулся в газету.

– Я огурцов туда порежу. Солёненьких.

– Угу,– отозвался я без оптимизма.

Я слышал как она нашинковала огурцы, спустила их в кастрюлю и туда же снова окунула поварёжку. Запричмокивала:

– У-у-у, милый! Какая вкуснятина! Правда лучка не хватает зелёного.– В ход пошёл лучок.– И грибков. Опят. Свежих.

– Это что-то новенькое,– сказал я.

Шинкование. Плюханье поварёшки. Причмокивание.

– Ну как?– спросил я не без интереса.

– Вкуснятина!– ответила моя женщина.– Я полбаночки кукурузы ещё высыплю. Маринованной.

В кастрюлю посыпалась кукуруза. На этот раз моя женщина испробовала «борща» аж целую поварёжку. То есть она её всю съела. Затем вторую...

Я сделал себе бутерброд с колбасой и сыром. Кстати, и то, и другое она также нашинковала и спустила в кастрюлю.

Наконец -то моя женщина « сварила «борщ» и видимо наелась. Она стояла спиной к плите и раскачивала поварёшку в такт какой-то песенке, которую тихонько напевала. Она была довольна.

– Милый,– прощебетала моя женщина,– ты подождёшь второе? А то первое, то бишь борщик, я нечайно весь съела.

– Конечно, дорогая,– ответил я и сделал себе ещё бутерброд.

Я ел бутерброд и любовался ею, моей очень кругленькой женщиной. Я любовался тем, как она варила макароны, заправляя их сахаром и конфетами.

– Скорее бы ты уж родила,– сказал я и глупо улыбнулся.

Весёлые зверушки

Что-то в этом зоопарке на колёсах под названием «Весёлые зверушки» было не так. Тигр, щурясь, сыто облизывал себя, а когда делал перерывы, то блаженно улыбался и подолгу смотрел в одну точку. В другом вагончике лис с лисичкой заигрывал по-щенячьи. Он, по всему видать, сытый, да и она каталась вся в опилках тоже очень сытая и весёлая. В третьем вагончике бурый медведь дремал, сладко похрапывая, но при этом он не забывал передней лапой поглаживать себе живот. То по часовой стрелке, то против. В четвёртом вагончике волки, счастливые, и от счастья сошедшие с ума, хаотично метались. В пятом...

Мой шестилетний сынок как и я был поражён.

– Папа,– сказал он, проглотив в результате шока чупа чупс целиком,– ещё на прошлой неделе все эти зверушки умирали от голода. Они были печальны и хмуры. Что случилось?

– Что случилось-что случилось,– услышали мы громкое ворчание не определённого возраста мужика, очевидно смотрителя за животными.– Идите-ка,лучше лань вон покормите. У вас, я вижу, морковка. Лань-то голодная.

И правда. Лань была голодная, и коза горная, и обезьянка. А у нас как раз были ещё бананы.

– Нет!– раскинув руки, преградил нам дорогу к вагончику с обезьянкой смотритель.– Эту не кормить!

Он хоть был и пьян и тощь,но не драться же мне с ним, да и воняло от него, да и сынок при мне маленький. Сынок заплакал:

– Почему-у!

– Да, почему?– спросил я и легонько отстранил смотрителя.

Перед нашим обозрением предстала обезьянка. Она находилась как и все зверушки за решёткой. Она смиренно

сидела в своём вагончике, виновато опустив головку, и бесцельно ковыряла указательным пальцем дощатый пол. Она выглядела несчастной.

– Она наказана!– выпалил смотритель и в его голосе я услышал слёзы.– Что вы на неё уставились? Бедная она, да?! Несчастная, да?! Вы лучше вон на тот плакат посмотрите! Человек был один, ну пьян он был, ну, гулял возле клеток,ну, дразнил их, вечно голодных. А она – дура! И как она выбралась?! Слышите, всех, всех хищников выпустила на свободу. И они, козлы, растерзали этого... хорошего человека!

– Да кого?!!– заорали мы с сыном хором и, повернув головы, вытаращились на

плакат.

На плакате была отпечатана большая фотография в виде мясистого лица с наглыми глазами. Под лицом была надпись: ВЧЕРА ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБ НАШ ЛЮБИМЫЙ ДИРЕКТОР ЗООПАРКА НА КОЛЁСАХ «ВЕСЁЛЫЕ ЗВЕРУШКИ». ВЫНОС ТЕЛА СОСТОИТСЯ и так далее...

Я, ошарашенный, молчал. А вот сынок мой высказался:

– Зато зверушки теперь действительно весёлые. По крайней мере хищники. Голодным весёлым не будешь. Так ведь, папа?!

Устами младенца глаголет истина...

Подарок

Папа из Африки для сыночка Вовочки кое-что привёз в спичечной коробочке. Вова, чтобы порадовать учительницу Марьивановну и детей, в школу принёс подарок на следующий день.

Вот окружила его детвора:

– Что там?! – кричат. – Открывай же, пора!

– Открывай уж, разрешаю, ладно,– не зная, что там в коробочке, разрешила учительница Марьиванна

Открыл. Зажужжало. Вова:

– Все! Замрите! Тс-сэ! Тс-сэ! Моя муха Цеце у Маривановне на лице...

Что было потом – рассказывать долго. Короче: школе нужен ремонт, Марьивановне – помощь психолога.

Африканская байка

Еле-еле львица поднялась на лапы. Покачиваясь и припадая, она приблизилась к своему мужу – льву и проговорила:

– А всё-таки здорово мы сегодня поохотились. Как мы гоняли – эту молодую глупую лань.

– Да– а, – согласился лев. Он также хотел было встать на лапы, но тело его не слушалось, оно очень устало.

А в этот момент из-за кустов вышла та самая молодая лань. Она всё слышала, а ещё она была глупая-преглупая, потому что молодая.

– Вам понравилось?!– воскликнула глупышка-лань и подпрыгнула от радости.– Тогда давайте ещё поиграем в догонялки, а?!

Сказка на ночь

– Пап, расскажи мне сказку: такую, такую... Ну, неизвестную мне. Надоели мне эти Иванушки-дурачки и Василисы премудрые. Имена мне эти надоели! Слышать их не хочу!

– А ремня?

– Ы-ы-ы!!!

– Фух! Ладно, слушай, малыш.

– Жила-была Царевна-лягушка и было у неё три сына – Лягух, Лягур и Лядур.

Когда сыновья выросли и стали похожими на жаб, решила Царевна-лягушка женить их. И женить исключительно на крохотных девочках, ну, на лилипутках, на девочках-пальчиках. Были в стране Лилипутии три таких девочки – это Дюймовочка, Дюймордочка и Дюймдурочка. Эти девочки ну, уж очень хотели выйти замуж за жаб, за мальчиков-жаб.

Узнав, что есть такие в стране Жабонии, они отписали Царевне-лягушке телеграмму: мол, так и так, вылетаем первыми же ласточками, теми, что очухались после перелома крылышек. Хотим выйти замуж за ваших сыновей. Встречайте.

И встретились они все. И поженились. И родились у них дети – Лягуйм, Лягуймордыхай и лапочка-дочка Лягуймдурочка.

Ф-фуххх! Куда это меня понесло? А крысу и крота я упомянул? Ну, крот был толстым и добрым. Да никак его не звали. Крот, он и в Африке крот. Крот был добрым, когда Царевна-лягушка умерла, он могилку выкопал бесплатно. И вообще – деньгами помог. Всё – крота нафиг! А у крысы, кстати, было имя, отчество и даже фамилия. Крысу звали Ларисой Ивановной Хочу. Крыса эта, она телохранителем была у известной банкирше – старухе Шлёпайкоекак. Застрелили и ту и эту. Кто, кто! Ну это-то все знают – кроко-

дил Гиена и Чебуравка В Тёмном Стекле. Ага. Индейцем он был – вот и имя у него такое было. На стройке они тех баб затрелили. Строили, строили да и застрелили.

Слушай, малыш, что-то я совсем запутался. Спи давай. А не то я тебе сказку про

Иваныча -Шас Как Дам Вам Всем По Каскам расскажу. Кто это такой? Прораб мой на стройке. Спи давай. Впрочем, слушай. Однажды мы выпили...

Издержки профессии

Я – не строгий отец. И вообще я человек мягкий, культурный, театральный. Меня жена так и кличет – ТЕАТРАЛ. «Театрал! Вынеси мусор! Театрал! Приготовь обед!» Нет, я к жене без претензий, ведь я люблю её, и сынишку нашего – двоечника...

Насчёт строгости к сыну – вот это по её части. К примеру вчера она поставила сына к стенке, мебельной, и как давай его таблицей умножения расстреливать. А я в одной комнате с ними находился, журнал «Театральная жизнь.» читал, ну и полировку этой самой чёртовой стенки за одно начищал, так у меня сердце кровью стало обливаться. Короче, я не выдержал и давай сынишке подсказывать, благо жена моя немного глуховата.

Жена ему:

– Пятью семь?

Сынишка:

– Хны...

Я шёпотом:

– Тридцать пять.

Сынишка:

– Тридцать пять.

Жена удивлённо:

– А семью восемь?

Я шёпотом:

– Пятьдесят шесть.

Сынишка гордо:

– Пятьдесят шесть, мама!

Ну и так потихоньку-потихоньку дело-то у нас с сыном и пошло: жена спрашивает, я подсказываю, сын отвечает. И вдруг жена зырк на меня. ЗЫРК-ЗЫРК-ЗЫРК.

– Ясно!– закричала она. И как даст мне учебником по математики за второй класс по губам.

– Фаля, как ты мофеф?!– возразил я.– Меня, театрального челофека учебником по математики по губам?!

– Вот именно – по губам и надо. Театрал хре...Скажи спасибо, что здесь ребёнок, а то бы я ещё не так сказала тебе.

– Ну, Валечка,– заоправдывался я.– Ты же прекрасно знаешь, что у меня за профессия. Это издержки профессии, Валя. Поработай с моё – пятнадцать лет суфлёром в конце концов! Ну не могу, не могу я не подсказать, если человек забыл текст.

Любимая колбочка

Средняя школа, кабинет химии. Учитель, стоя за лабораторным столом, читает ярлыки на различных ёмкостях с реагентами. Раздаётся стук в дверь. Учитель с испуганным лицом разрешает войти. Входит юноша послешкольного возраста.

– Здравствуйте.

– П...привет. А вы кто?

– Корреспондент городского радио. Разрешите взять у вас интервью? Так что, берём?

– Ладно, валяйте своё интервью. Только у меня минут пять, не больше.

– Я постараюсь по-быстрому. Так, включаем диктофон – готово. Дорогие радиослушатели, и вновь с вами радиопередача «Шкодная...», простите, «Школьная пора. Сегодня наша рубрика «Внезапное интервью» знакомит с учителем химии школы №5 нашего города. Представьтесь пожалуйста.

– Я? Джузеппе Карлович Табуреткин.

– Какое интересное у вас ФИО.

– ФИО как ФИО. Папа был Карлом, я – Джузеппе. Что здесь такого. Знаменитый род Табуреткиных! Да где же оно?

– Джузеппе Карлович, скажите, а интересуются ли нынче ученики химией?

– Химией? Ещё как интересуются. Особенно клеем столярным. Да где же оно?!

– Шутите?

– Нет. Гидрохлодид...

– Может кого-то хотите выделить из учеников?

– Могу. М...м... Вовка Штырин – ученик 6б класса, вот это парень! Гвоздь в доску сороковку с трёх ударов молотком забивает. По самую шляпку!

– Какой гвоздь?

– На семьдесят. До ста двадцати ему, конечно, ещё расти и расти, ещё тренироваться и тренироваться, но потенциал у мальчишки есть... Сероводород – не то!

– Так. Ф-фух-х! Ваш Вова Штырин любит химию?

– А кто ж её сейчас из детей не любит? Всякая «Кока-Кола», «Фанта» – да от этой дряни детей не оторвать! Наше отечественное «Буратино»,– натуральный между прочим продукт,– им видите ли теперь не интересен. Это возмутительно! Амиак...

– Карл Джузе...тьфу...Джузеппе Карлович, давайте всё-таки ближе к Химии. Что вы всё время ищите?!

– Да не говорите. Понаставили тут колб всяких, а нужной нету! Я помню – ближе к химии. Химия – хорошо, когда ею правильно пользуешься. Вот, например, необходимо спирт отделить в БФ (это клей, если не в курсе). Тут ведь без особенного мастерства и терпения не обойтись. Значит, учитесь, – берём палочку и медленно погружаем...

– Стоп! Что-то я окончательно ничего не пойму. Вы про что?

– А вы?

– Вы кто?

– Учитель.

– Чего?

– Труда, трудовик я, трудовик школы №5. Да вот же оно! H2OCO4! Ну, здравствуй, моя любимая колбочка, мой спиртик. А вам – до свидания. А – мой халатик. Кстати, хозяйка сего помещения, Клавдия Михайловна, должна скоро вернуться, у них педсовет. До свидания, дорогие радиослушатели! Всё, я линяю...

Рукастый папа

Мои дети виноваты –
оторвали мишке лапу.
Всё равно его не брошу,
в нём, зашитые мной грОши.

Доигрались мои дети –
треск бачка был в туалете.
Его склею с чувством, с толком,
в том бачке таится водка.

Эти дети, так их так,
замарали мне пиджак.
Сам почищу его ваткой,
в нём заначка за подкладкой.

То не дети, ураган !
Разбомбили весь чулан.
Полки я поправлю быстро,
на них брага – восемь литров.

Дети-дети, лапочки
три разбили лампочки.
Заменить желанья нет,
проку в люстре – только свет.

Новый вид

(философствования в супружеском ложе)

– Валь, ты спишь? Спит... Вот пришла же мысль в голову на ночь глядя... И всё же, почему так говорят: курица – не птица, баба не человек? Хорошо, допустим, баба не человек. А кто она тогда? Енот-полоскун? Тепло. Слон? Ну, в общем-то правильно. Кобыла -во! Потому что всё время пашет, хотя бывает и не пашет . Всё время. Пила, нет, рыба-пила. А причём здесь рыба? Рыба – существо немое, а это. Кар-р! Кар-р! Может всё просто: баба – это змея. Нет, ну, это уж слишком просто. Ворона-змея – во! Блин...Баба, кто ты? Дай ответа. Не даёт ответа. Не даёт!

– Я тебе сейчас дам такого ответа!

– Ой! Это я во сне, Валя – приснилось чёрте что.

– Спи немедленно!

– Ага, сплю... Баба – это мужаед.

– Кто мужаед?! Ты, животное, которое капусту трескает в огороде, в ухо хочешь?!

– Я сплю, Валя, сплю... Му – жа– хлопка – во...

– Да будешь ты спать, или нет? Тьфу на тебя!

– Мужаплюйка.

– Да заткнёшься ты!? Мама, как будто клоп укусил...

– Клопокляпка.

– Что ты там сказал? Не поняла, говори громче!

– Клопокляпка из семейства глухо-слышащих,но громко-каркающих.

– Чё?

– Точка. Спи, Валя, спи родная.

– Ты давай сам спи. А то пну!

– Я сплю, Валя, сплю... Клопокляпка кривоногая из семейства ... Хр-р-р-р!!!

Сказка с моралью

Надумал Иван-царевич жениться и отправился он себе невесту искать.

Вот идёт Иван-царевич лесом, вдруг видит – избушка с окошком на курьих ножках стоит, нет, вру, на хорошеньких ножках стоит, как говорится: от ушей ножках.

– Оп-паньки!– удивился Иван-царевич, рассматривая ножки. А они явно девичьи – не волосатые, без варикоза, в туфлях на высоком каблуке.

– Эт-то что за чудо?! – продолжает удивляться Иванушка, шапшонку на затылок сдвинув.– Это, а где это, ну, что до ног?! А?! Избушка?! Не верю я в симбиоз дерева с девичьими ножками на высоком каблуке. Избушка! Ты говорить можешь?!

– Могу,– отвечает избушка ангельским голоском.

– Ну?

– Гну! Здесь это, в избушке, что до.

– Хе. А зайти в тебя можно, избушка?!

– Это зачем?

– Как это зачем? Посмотреть! Такие ножки. Наверное и всё остальное, что до ног, тоже прелесть. Если так – женюсь, ей богу, женюсь.

– Точно женишься?

– Папой-царём клянусь!

– Тогда заходи.

Заходит Иван-царевич в избушку, а там...мать-перемать. А там баба-Яга по пояс своей дряхлостью в пол вросла. Низ, значит у неё хорошо сохранился, а вот верх...

Стоит руки -в– боки и улыбается своим беззубым ртом – ужас!

Иванушка метнулся было обратно к двери – фиг! Двери не открыть простому человеку, и окошко жалюзи алюминивые наглухо зашторили – сами, без чьей либо помощи.

– Оп-паньки!– противным голосом проскрипела баба-Яга и захохотала как сумасшедшая.– Обещал жениться? Папой-царём клялся? Теперь женишься, никуда не денешься. Понял?!

– Мама!– всхлипнул Иван-царевич-дурачок и по стеночке сполз сопелькой. Понял он. Понял, что влип по самое тридевятое царство. Во как бывает.

Мораль: надумал жениться – не видись на ножки, Иванушка в шапшонке.

Волшебный холодильник

И была пятница. А выпить в пятницу, как говорится, дело святое. Особенно любил это «святое дело» Витя Спиртяшкин.

Поздним вечером с большим трудом полуалкаголик, мелкий дебошир и «кухонный боец» Витя Спиртяшкин ввалился в свою квартиру. Его жена, Манюня, впустив пьяного в драбадан мужа, тут же метнулась обратно в комнату, где вдавила себя в диван, да так, что жалобно заскрипели пружины.

– Маню-юня-я-я!– противно пропел пьяным голосом Спиртяшкин. Он скинул с себя пальтецо. Теперь нужно было снять ботинки.

– Манюня!– снова проорал Спиртяшкин.

В ответ Манюня продолжала вдавливать себя в диван, а её загнанный взгляд потихоньку начинал бродить по комнате – искать пятый угол.

– Ну, хорошо, Манюня,– с угрозой сказал Спиртяшкин,– сейчас ты у меня отхватишь.

Он резко нагнулся и...бац! – въехал лбом в косяк холодильника, которому не нашлось места на крохотной кухне.

Древний холодильник до этого был уже изрядно помятый. Сколь раз в него «въезжал» своим «роговым отсеком» Витя и ничего, крякнет бывало только и ничего. А тут – бац! и рухнул как подкошенный. Мало того – потерял сознание. Минут на пять. Потом очнулся... трезвым, повесил пальтецо на вешалку, поставил ботиночки куда положено и пошёл спать.

Спать лёг тоже как положено: раздетым, диван разложил, застелил. Манюня, вся в непонятках, легла рядом.

В течении часа она то и дело прислушивалась к мужу. Муж лежал на спине, держа руки по швам поверх одеяла и тихо-мирно спал.

– Да что это с тобой?!– наконец не выдержала Спиртяшкина и сильно ткнула благоверного в бок. Тот приоткрыл глаза.

– Тебе тесно, Манюнь?– спросил Витя без какого-либо раздражения, наоборот – даже ласково.

– Не то слово, скотина!– рявкнула Манюня.

Спиртяшкин безропотно отодвинулся на сколько смог и снова уснул.

Манюня приняла сидячее положение. Поразмыслив ещё с час она взяла и ущипнула мужа. От всей души. За ухо.

На этот раз тот даже не открыл глаза, а сразу спросил виновато:

– Я что, храплю?

– Не то слово, скотина!– опять рявкнула Манюня, хотя никакого храпа и в помине не было.

Витя молча отвернулся к стене, плотно прижал лицо к ковру (так что расплющился нос) и, прикрыв одеялом ноющее ухо, снова уснул. Будто умер.

– Да что же это такое?!– Спиртяшкина вскочила как ошпаренная.

– Сволочь! Скотина! Паразит!– посыпались из её сахарных уст громогласные оскорбления.

Спиртяшкин никак не реагировал.

– Ах, так?– Манюня растрепала свои волосы, отхлестала себя по щекам, рванула на себе ночную рубаху, и выскочив на лестничную площадку, заголосила что есть мочи:

– Лю-ю-юди! Убива-а-ю-ю-ют!!!

На её истошные крики вышли на площадку сонные соседи.

– Мань, опять тебя твой лупит?– вяло поинтересовались они. Затем пожалели: – Бедненькая ты наша, горемыка.– Затем пообещали: – Сейчас полицию вызовем.

– Не надо полицию, – шмыгая носом, попросила Спиртяшкина. Спасибо, дорогие соседи, за участие. Идите спать.

Соседи привычно послушались и, привычно причитая, разошлись по своим квартирам. Манюня тоже вернулась к себе домой.

Витя как ни в чём не бывало пускал слюни. Когда она легла к нему он повернул голову и с тревогой спросил:

– Что-то случилось? Ты плохо выглядишь, Маня.

– Всё хорошо, милый. Это у меня пятничный синдром. Пройдёт. Спи.

– А, ну смотри,– Витя сладко потянулся и опять впечатался носом в ковёр.

Манюня смачно зевнула,а затем сплюнула на ладонь выпавший зуб – результат хлестания себя по щекам.

– Нищего, мне кафедся что теперь у нас фсё будет ф порядке.– сказала она и погрузилась в сон.

Через месяц Спиртяшкины купили новый холодильник, а этот, древний, помятый, отдали другу Спиртяшкина – Бражкину, который в отличии от Вити никак не мог бросить пить.

Критику принял

Тут праздник был, ну потом то... сё. Неделю продолжалось это то-сё. На восьмой день очнулся я, и охватило меня такое раскаяние, такое раскаяние...И я сказал себе: «Сволочь ты. Ну ты и сволочь. Что ты, сволочь, обещал жене в моменты просветления? Что?! А действительно – что? Пить остановиться? Ну это само собой. А ещё что? Тьфу-ты! Побриться же я обещал!»

Ну, раз обещал – обещания надо выполнять. Побрёл я в ванную комнату. Кое-как обнаружил выключатель, кое-как обнаружил зеркало. Формы круг. Заглянул я в него... и рухнул в ванну от увиденного ужаса. Хорошо что в ванне бельё

замоченное лежало и я не убился. Мокрый, словно китайский подгузник, я снова принял устойчивое положение и приблизился к зеркалу формы круг.

Братцы! Гляжу я в зеркало, а из зеркала на меня чёрт зырит. Чёрт даже для чёрта уж очень уродливый. Морда вся какая-то перекошенная, уши как у осла,борода как у козла, глаза как у коровы. Короче ни чёрт, а монстр из фильма ужасов, но страшнее.

«Ну, думаю, началось. Вот она и подкралась незаметно – белая горячка.»

« Что ж,– сказал я, обречённо вздохнув,– здравствуй, чёртушка, или как там тебя. Что там у нас в аду новенького? Котлы не прохудились? Угля в недрах хватает? А клиентов?»

Чёрт, или там как его, в ответ мне что-то своими губищами прошамкал, ушами покивал: мол, всё нормалёк, клиент ты наш будущий.

Тогда я сказал:»Можно, волосатый, я побреюсь? Исчезни на минутку, открой обзор, так сказать. А то придут за мной эти в белом, со шприцами наперевес, повяжут. Кто меня потом побреет? Смотрю – не слушается меня чудище. Плюнул я ему в рожу и стал бриться наугад.

Бреюсь я, с бровями стараюсь поаккуратней, а этот гад между делом издевается надо мной. То копытом у виска покрутит, то оскалится улыбкой аля лошадь. А я по натуре человек горячий, оскорблений не люблю. Я злиться начал. А тут себя ещё одиколончиком побрызгал. Обильно. Ну и озверел окончательно.

Взял я и врезал флаконом с одеколоном по чёрту, или как там его.

Но вышло так, что врезал-то я и по чёрту и по зеркалу формы круг. А оно, бедное, вдребезги, обесформилось. И тут увидел я, что чёрт-то вместе с зеркалом испарился.

Ф-фух! У меня гора с плеч. К тому же я побрился, вроде бы.

Пришла домой жена. Я ей всё рассказал: так, мол, и так, с ума чуть не сошёл.

Она час хохотала, а потом открылась.

– Это, милый, у тебя не белая горячка была и не чёрта ты видел. Это я купила кривое зеркало и вместо нормального в ванной комнате повесила.

– Зачем?– удивился я.

– Затем, чтобы ты на себя посмотрел, как ты выглядишь на самом деле после пьянок!– вы палила жена.

И, как ни странно, я на жену не обиделся. Я критику принял и завязал. По крайней мере по семь дней пить.

Черенок

– Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте, садитесь.

– Спасибо, но я пока стоя.

– Жалобы?

– Я на грабли наступил, доктор.

– А, так вы плохо видите? Это вам к окулисту, батенька. А я уролог. У– ро– лог!

– Я знаю, что вы уролог, мне к вам, а окулист подождёт. Можно я по порядку?... Вчера мы с женой были на даче. Она грабила грядки, а я к ней начал приставать...

– О! А это уже мой профиль!

– Я к ней на счёт бутылки стал приставать, ну, чтоб она на бутылку мне дала. А то я же тоже работал, умаялся и мне с устатку...

– Ага. Так ведь вам к наркологу надо, друг мой.

– Я думаю об этом. Но прежде мне к вам. Так вот: жена грядки грабит, а я у неё на бутылку клянчу. Клянчу и клянчу,

клянчу и клянчу. Короче, психанула она, и ка-ак жахнет мне по спине граблями. Слава богу – черенком. Черенок сломался...

– Понял. Вам – к хирургу! Со спиной ! Всего доброго!

– Да что же это такое! К вам мне доктор, к вам! Спина подождёт! И хирург! И окулист! И нарколог!

– А невропатолог?

– И невропатолог подождёт! Уф! Как он разболелся опять!... Так вот: черенок сломался, грабли жена бросила,но денег мне на бутылку дала. Я деньги в кулак и бежать... Недолго бежал...

Черенок граблей этих, после того как жена его об мою спину сломала высотой стал как раз по моё достоинство. Я побежал и на грабли наступил, ну и прилетело мне этим обломышом по моему....достоинству.

– Ишь как всё срослось.

– Да хоть бы срослось.

– Мда. Вы действительно по адресу пришли. Ну, показывайте свой ЧЕРЕНОК.

Аварийная посадка

Лето, солнечный день. Огромная «ничейная» свалка, расположенная недалеко от дачного сектора. По свалке бродят люди, они что-то мирно ищут, и то, что находят складывают либо в мешки, либо сразу в рот. Где-то вдалеке копошатся дачники. Неожиданно на свалку плюхается военный самолёт. В кабине лётчика врубается до этого молчавшая связь.

Аэродром: Ноль пятый, ноль пятый, сокол ты наш, почему молчишь?!

Лётчик. Слышу вас, ноль седьмой!

Аэродром: Почему молчал, паршивец?!

Лётчик: Сбили меня, ноль седьмой. Связи не было.

Аэродром: Ты... что...как... Как сбили?! Ты что несёшь, ноль пятый?! Да... ты... Страна доверила тебе испытать новейший истребитель, который невозможно сбить никаким современным оружием! Докладывай!

Лётчик: Есть докладывать! Значит так. Лечу: включил систему «невидимка», отключил шум двигателя, лечу на низкой высоте, подо мной дачный сектор...

Аэродром: Ты что с ума сошёл, ноль пятый?! Думай о чём говоришь в эфире.

Лётчик: А теперь думай-не думай, ноль седьмой! Послушался вас. Лучше б я летал себе над полигоном. Кто мне велел посмотреть как картошка нынче уродилась?!

Аэродром: ... Посмотрел?

Лётчик: Посмотрел. Хорошо уродилась, окучивают. Меня дед какой-то, видать за одним, окучил из двустволки. Дробью. Главное, за что?! Крылом яблоньку его нечайно задел! Обидно, что бесшумный, не видимый, новейший, а он простой дробью... Пришлось сесть на свалку.

Аэродром: Спокойствие, ноль пятый. Мы тебя пеленгуем.

Тут люди, бродившие по свалке, окружают самолёт. Людей становится всё больше и больше. Вдруг словно по команде они подхватывают истребитель и тащат его к подъехавшей огромной машине – это скупщики металлалома.

Лётчик: Эй, ноль седьмой! Меня вместе с самолётом на металлалом несут сдавать!

Аэродром: Ноль пятый, не покидай самолёт! Я сейчас посоветуюсь!

Лётчик: Да я бы рад его покинуть, но не могу, люк заклинило! Только нос и могу высунуть!

Аэродром: Как заклинило? Это плохо, очень плохо. Значит покинуть самолёт не можешь?

Лётчик: Пытаюсь! Никак! Только нос...

Аэродром: Ноль пятый, это литр.

Лётчик: Здравия желаю, товарищ... литр!

Аэродром: У меня три новости. Две хороших: поздравляю тебя с присвоением очередного звания!

Лётчик: Служу России!

Аэродром: Поздравляю тебя с награждением звездой героя России!

Лётчик: Служу России! А третья... какая... новость?

Аэродром: Как зовут тебя, сынок?

Лётчик: Вася.

Аэродром: Мы боимся, что разсекретится наш новейший истребитель, Вася, когда тебя в металлалом сдадут. Поэтому мы включаем самоуничтожитель самолёта. Прощай, герой! (длинные гудки).

Лётчик: Как прощай? Но тут же невинные люди! Алё! Алё!!! Эй, люди, разбегайтесь, я сейчас взорвусь! Чего ржёте, идиоты?! Я говорю, сейчас взорву-у-усь!!! Вот она, смерть моя – красная лампочка, ишь как мигает. Три, два, один... Не понял... Ха! Ну, дед! Вот же как выстрелил: самоуничтожитель даже вывел из строя! Нет, всё-таки наши дачники – особенный народ, знают что и куда засадить.

Эй, люди, у меня спирт есть, просуньте сюда ломик! Воот, молодчаги! А ну-у, ещё давнём! Встречай подполковника-героя России!

Будет весело

Уборочная страда. Пшеничное поле. Доносится рокот комбайнов и мат хлеборобов. Прямо в поле тележурналистка берёт интервью у бригадира хлеборобов – Васи Твердолобова.

– И вновь в эфире телепередача «Интервьюшки». Сегодня мы поговорим не с депутатом, не с олигархом, не с банкиром, не, даже, с бандитом, сегодня мы поговорим с... простым работягой, бригадиром хлеборобов – Васей Твердолобовым. Что?! Не ожидали?! Ну-ну, не переключайте нас, будет весело. Вася, а ты и правда твердо... ну, лоб у тебя крепкий?

– А у нас в роду у всех лбы были и есть крепкие. Вон, бабка моя, та бывало так молилась, лбом половицу вышибала! А я, к примеру могу лбом доску из забора выбить.

– Всего досочку? Фи-и.

– Ну, если надо, могу и забор целиком уронить. Вам какой?

– Спасибо, пока никакой. Я же говорила, будет весело! Вась, а как нынче живётся сельскому труженику?

– Нормально живётся. Да если нас от семечек очистить, да водку нам, вместо сивухи, нормальную продать...

– Кстати, Вась, у тебя бригада-то пьёт?

– Пьют. Но – только после работы. Либо до...Во время работы ни-ни.

– Василий, однако в твоей бригаде все хлеборобы выполняют по две-три нормы. Чем ты вдохновляешь ребят на такие подвиги?

– А по старинке – кулаком. Два раза врежу – две нормы, три – значит будет три.

– А лбом не пробовал?

– Лбом? Не-е, убью – лбом.

– Я же говорила, будет весело! Вась, а ты вот всё пашешь, пашешь...

– Жну.

– ...?

– Сейчас – жну.

– Поняла. Что уж ты думаешь, я в сельском хозяйстве ничего не понимаю. Вася, какая у тебя машина? На какую за свою жизнь нажнал?

– У меня? «Беларусь».

– А у меня джип. «Дискавери». Мы, кстати, на нём к тебе приехали. На служебной газели в такую глухомань не добраться же. Вась, скажи, а вот мины, оставшиеся с войны, или там трактора, с прошлого года забытые, не попадаются в полях, а? Сейчас совсем будут весело!

– Ну, если и попадаются – так что? Да моей бригаде любые препятствия по плечу! Я приказал всё сметать на своём пути, вместе с хлебом конечно, значит сметут. Да, кстати, а вы свой джип новенький где оставили?

– Джип? В поле... Ой, мамочки! До свидания, дорогие телезрители! Степан, мать твою, бросай камеру, бегом к джипу!

-...Бегите-бегите, только вряд ли успеете, я сегодня малость перестарался с вдохновением, так что мои ребята не то что джип, танк по зёрнышкам раскатают. Пойду посмотрю – там, наверное, такое веселье!

Раздаётся страшный скрежет железа.

Гело. С Марса

– Я уже был под шофе, когда ко мне домой инопланетяшка заявился. Сам весь зелёный, лысый, с рожками на зелёной лысине – сантиметров по десять. С порога представился:

– ГЕло. С Марса.

– Николай,– говорю.– С пружинного завода. Прошу на кухню, Гело с Марса.

Сели мы на кухне: выпиваем, закусываем. Тут заявилась моя жена: усталая, нервная, но красивая как всегда. На кухню зашла и сразу давай кричать:

– Опять пьёшь?! И с кем пьешь?! Он же совсем зелёный!

Я говорю:

– Во-первых повод – сегодня первое апреля, день смеха, а это какой-никакой а праздник, во-вторых – он не такой уж и зелёный...

– Вот именно,– подал свой противный голос инопланетяшка.– Мне триста лет. И хотя я зелёный, но уже лет сто как женат.

Она ему:

– А скалочкой за сказочки не хошь?!.– И размахнулась, да призадумалась, не ударила – это она рожки у него углядела. Нормальные рожки, не рога какие-нибудь. Пружинки железные – сантиметров по десять. Люся моя подобрела:

– Да-а-а! Вижу что женат, потому и рогат.

Тут моя благоверная села с нами, выпила, познакомилась с этим Гело. Ещё выпила, запричитала:

– Ой! Жалко-то тебя как! И зелёный-то какой! И жена-то тебе изменяет!

А сама его по рожкам при этом гладит, гладит. Смотреть противно: у этой руки в солидоле, а тот балдеет. Вдруг Люся говорит мне:

– Слышь, муженёк. Ты бы сбегал ещё за водкой. Как-никак гость у нас. Редкий.

– Не понял,– говорю.– Ты сроду меня за водкой не посылала!

Короче, ревность во мне взыграла. И тут я по столу кулаком – бах!

– Хватит,– говорю,– водки! И гостю пора домой, на Марс. Тебя проводить?– спрашиваю инопланетяшку.

А этот Гело как-будто меня не слышит. Вперился пьяными глазками в мою Люсю и вешает ей «лапшу» своим противным голосом на уши: мол, горы там у него на Марсе вот такой вышины, реки вот такой ширины, крокодилы, бегемоты... Ну, тут я совсем закипел, сгрёб его..... Что теперь со мной будет, господин полицай? И как насчёт межпланетного конфликта?

– ...Кхе! Полицейский. Кхе! Межпланетного конфликта не будет, Николай. А вот пятнадцать суток тебе будет. А инопланетянину, твоему приятелю-Олегу, слесарю пружинного завода, с кем ты кстати в одной бригаде работаешь, больничный дали, без оплаты.

Я понимаю, он первым стал чудить: подстригся под Котовского, зелёнкой себя измазал, рожки к присоскам приладил. Но зачем живому человеку эти самые пружины в голову вкручивать, а?! Сквозь присоски.

Ладно. Твоё счастье, что он не в претензии, говорит, что первое апреля, пошутить просто хотел, а тут жена твоя... Короче, освободишься, помиришься с ним и с женой. Чтоб всё было по-людски, понял?!

– Понял. По-людски. То-то я смотрю – рожки знакомые: пружинки – сантиметров по десять. Ну, Гело – Олег. Эх, Люся...

Игра длиною в жизнь

– Этой ночью мне, наверное, не уснуть, как хорошо.... Милый, давай поиграем в города.

– Родная моя, ты прямо как маленькая. Ну, давай. Москва. Тебе на а.

– Архангельск. Тебе на к.

– Киев.

– Сочи.

– А почему Сочи-то?

– А потому что в Сочи, любимый, мы познакомились.

– Тогда, Нижний Тагил.

– А почему Нижний Тагил?

– А потому что здесь мы поженились, любимая. И здесь мы теперь живём.

– Тогда... Поскрепухинск!

– Э, не понял, сладкая моя?

– Завтра к нам моя мама приезжает – в гости, из Поскрепухинска. Я же сама из этого города. Забыл, сладкий мой?

– А, ну, милости просим, милости просим.

Спустя пять лет.

– Что-то не спится. Может в города поиграем?

– Никак моя жёнушка детство вспомнила.

– Ну.

– Ладно. Москва. Тебе на а.

– Архангельск.

– Киев.

– «Кулинария»!

– А причём здесь «Кулинария»?

– Притом! Я тебя просила после работы зайти в «Кулинарию» – купить торт? У ребёнка завтра день рождения!

– Знаю – помню, три годика. Завтра и куплю, успокойся... Ёжик!

– Кто ёжик, какой ещё ёжик?

– Я сегодня ему ёжика купил. Живого. В кладовке сидит, смешной такой.

– Какой ты всё-таки у меня хороший. Ах-да, совсем забыла... Поскрепухинск!

– Господи!

– А как же завтра без моей мамы, дорогой?

– Ну-да, ну-да...

Спустя ещё десять лет.

– Ах, какая ночь, с улицы весной пахнет, тихо... Слышь, муженёк, может в города поиграем?

– Ты что, за день не устала? А я устал. Отстань! Ладно, Москва.

– Архангельск.

– Киев.

-... Чуешь – сирень цветёт. Позавчера такая же чудная ночь была, а тебя не было.

– Опять? Я тебе сто раз говорил – в командировке был.

– Козёл.

– Лахудра.

– Алкоголик!

– К... корова.

– А..а..короче, кобелина! Поскрепухинск!

– Знаю-знаю. Тё-ща моя, ла-ско-вая! Да не пинайся ты!

– Сволочь, детей разбудил.

Спустя ещё десять лет.

– Двадцать пять лет уже живём – ужас!

– Кошмар!

– В города играть будем?

– Не, спать будем. Что за привычка – пинаться? Москва.

– Архангельск.

– Киев.

– Волоколамск. Врезать бы тебе!

– Ну, хватит.

– А что хватит? Где у тебя любовница-то? В Волоколамске.

– Была, хватит, ну...

– Командировщник хренов. Скажи детям спасибо, а то не за что бы не простила.

– Дети взрослые, они всё понимают.

– Понимают... Кстати, Поскрепухинск!

– Хр-р-р!!!!

Спустя ещё пятнадцать лет.

– А не плохо всё-таки на пенсии,а ? Хочешь спишь, хочешь – не спишь. Дед, в города поиграем?

– Ох, какие города ещё? Ты вроде бы не такая старая, чтобы из ума выжить. Ну, вот тебе – Москва.

– Архангельск.

– Киев.

– Сочи.

– А почему Сочи-то?

– А потому что, дед, в Сочи мы познакомились.

– Тогда, Нижний Тагил.

– А почему Нижний Тагил?

– А потому что здесь мы поженились, здесь мы прожили сорок пять лет. Здесь родились у нас дети.

– И внуки.

– И внуки...

– Дед, Поскрепухинск!

– А?!

– Глухня!

– Сама ты...Блин! Вот кто всех на этой Земле переживёт так это твоя мама!

– Мама есть мама, милый...

– Это верно,... любимая... Что ж, милости просим, милости просим...

Ухо Хира

Дело было летом.

Я, жена моя Верунька, друг мой сердешный Валька и его жена-подружка гражданская – Тонька с дня рождения возвращались – от тёщи моей, Клавдии Петровны, шли. Вы спросите: при чём тут Валька с его подругой фронтовой? А я всегда, когда к тёще на пьянку какую идти, Вальку с собой беру. А он ещё кого – из жён гражданских. Не любит тёща Вальку, скандальный он, и за меня горой. Надо – не надо. В общем – не любит – вот и беру. Верунька, конечно, иногда высказывает своё мнение на сей счёт, но когда я грожусь ещё своих дружков – Генку с Петрухой с собой взять, а они ещё кого, из жён гражданских, Верунька моя затыкается. Затыкается и молчит, как когда-то, сохранившийся от моей прабабушки патефон молчал, но – о патефоне – позже.

Итак, дело было летом. Шли мы весёлой компашкой домой из деревни Корешки в деревню Вершки, шли лесом, так короче. В один «прекрасный» момент у нас с Валькой бражка наружу запросилась, одновременно, такое бывает с людьми. Мы дамам вежливо сказали: «Тп-р-р-у-у-у!», а сами с тропинки сошли. Только выбрали дерево покрепче, только пристроились, слышим – топот какой-то не нормальный приближается к нам. Мы мужественно журчим. И тут вылетает на нас из кустов мумитроль эдакий и встревает между нами. Что ж, журчим втроём.

Слышу – Валька зубами начал клацать, я украдкой поглядел на непрошеного гостя, ещё раз поглядел. Братцы – инопланетянин! Ну, вылитый инопланетянин: глаза выпуклые, хоботок вместо носа, уши как у слона, на голове меж волосиков две антенки торчат, щупальца вместо рук и ног, и весь, весь зелёный. Мы с Валькой закончили подмывать дерево и Он закончил. Закончил и промурлыкал, словно кот Матроскин:

– А я ваш язык знаю, земляне.

Такое бывает. С инопланетянами.

Валька стал зубы изо рта выплёвывать, а я набрался смелости и спросил:

– С Марса?

– С Альфы-Центавры,– промурлыкал инопланетянин.

– Так, обниматься не будем,– предупредил я,– но познакомиться надо. Меня Фёдор зовут, а это друг мой – Валька.

– Так точно! – подтвердил Валька и, тряхнув чубом, щёлкнул каблуками резиновых сапог. Они щёлкнули. Такое бывает. В какой другой раз бы не щёлкнули, а тут аж искры посыпались.

– А тебя как звать? – спрашиваю.

– Хирамильтон,– гордо представился инопланетянин, скрестив пару щупальцев , что вместо рук, на зелёной груди.

– Хир, значит,– сказал я.

– А мы идём с дня рождения тёщи Фёдора,– ни с того, ни с сего вдруг похвастался Валька.

– И мы – летим,– сообщил Хир.– На Плутон летали, к тёще моей на день рождения, а тут биотуалет сломался, пришлось совершить вынужденную посадку на Землю.

– Вот так совпадение!– радостно разинул беззубый рот Валька, я же пробурчал недовольно:

– Бедная Земля, ладно свои, уже чужие гадят.

Тут у Хира его слоновьи ухи запикали.

– Что такое? – поинтересовался я.

– Жена потеряла меня,– развёл виновато щупальца, что вместо рук, Хир.

И ухи его опять – пи-пи-пи!

– Ну, блин, у тебя и ухи!– восхитились мы с Валькой.

– Это что-то вроде нашего мобильника?

– Гораздо многофункциональней. Вы не подумайте – они не настоящие. Аппарат такой.

– Эх! Щас бы выпить!– вдруг резанул вдохновенно Валька.– За мир между планетами всей вселенной.

– А у меня есть,– промурлыкал Хир.– Своё,но на пригодном для вас спирту.

Такое тоже бывает. А вообще спирт – он и... везде спирт.

– Вот это по нашему,– повеселел я.

Только Хир вытащил из зелёного кармана блестящую фляжку, только повернул пробку, слышим – треск, хруст и знакомый топот. Вылетает на нас второй мумитроль. Я сразу понял – инопланетянка, по причёске «я попала под метеоритный дождь».

Инопланетянка, дико пища что-то на своём, выхватила у муженька фляжку и потащила его в лес, очевидно к летающей тарелочке. Сообразив, что остаёмся без выпивки, я и Валька ухватились за Хира с другой стороны. Некоторое время происходило соревнование «по перетягиванию инопланетянина». В конце концов жена Хира чем-то сверкнула и мы с Валькой одновременно потеряли сознание. И такое бывает. Бывает даже в целой стране люди одновременно теряют сознание.

Когда очнулись – никого. Повздыхали мы о фляжечки неземной и отправились к своим женщинам. Те, понятное, заждались, поэтому мы получили по полной.

Вы скажите, всё это утка, враньё. Не торопитесь, братцы, делать выводы.

Помните – я про патефон старинный заикался? Так вот, приходите ко мне в гости, и вы услышите какие он чёткие звуки из старых пластинок извлекает. Сто лет молчал, а как я к нему ухо от Хира присобачил, так он лучше всякого домашнего кинотеатра запел. Правда, иногда какое-то пиканье раздаётся, но это ничего, это не мешает.

Космический бизнес Ползункова

Кто чем торгует, а Ползунков долгое время торговал НЛО. В жару ли, в холод стоял Ползунков в длинном ряду палаток и бойко рекламировал необычный товар двустишиями, типа:

Не бери китайское фуфло,
Лучше покупай НЛО!

И так далее в таком духе. Товар Ползункова состоял из тарелочек, которые, беспокойно мигая фарками даже днём, парили во внушительной по размерам стогообразной клетке: одни, чуть слышно жужжа, другие – молчком и ждали своей участи.

Впрочем, не думайте, тарелочки казались безобидными лишь на незнающий взгляд, в самый неподходящий момент они могли сыграть злую шутку. Так, для примера протягивает Ползунков заезжему покупателю «игрушку», тот, дурак, естественно, разевает рот от удивления, и вдруг из тарелочки вываливается дверца, на дверцу выбегает дюжина инопланетян и начинает беспорядочно палить из маленьких бластеров. В таком случае Ползунков накидывал на НЛО зимнию шапку и извинялся, смущённо улыбаясь. Часто покупатель всё равно покупал сногосшибательную в прямом смысле вещь. Но иной с несколько поведённой челюстью убегал куда-то жаловаться, а иной и бил Ползункова.

Особой популярностью товар пользовался у детишек. На

заработанные на мойке машин деньги они покупали тарелочки стопками, а затем у себя в школе предлагали молоденьким училкам нажать на ту или иную кнопку. (Кстати учительниц тогда катострафически стало не хватать в городе).

Дети про НЛО знали всё (разбирали – собирали) и поэтому отходили сразу на безопасное расстояние, а наивные по молодости училки давили, разинув рот, и ждали сюрприза. А сюрпризы получались ого-го!

То тарелочка взорвётся перед самым припудренным носиком (после чего носик бесполезно пудрить лет сто), то просто пукнет слезоточивым газом вроде «черёмухи». А то всё та же весёлая компания устраивала разборки при помощи бластеров. Иногда, правда, выкатывали и тяжёлую артиллерию, но опять же крохотную, чего там.

Хорошо покупали НЛО металлисты и панки. Вы только представьте этакого кожаного красавца с тарелочкой, оттягивающей ухо до земли или, наоборот,– до уровня первого этажа, ведь тарелочки тоже хотели свободы и пытались при любой возможности улететь в родной космос.

Была у Ползункова и постоянная клиентка – сухая, хромая бабка. Она нередко подходила к палатке Ползункова, минут пять приглядывалась к посуде (так она называла тарелочки), а потом понравившуюся обрызгивала дихлофосом. От отравы тарелочка падала на дно клетки и вытягивала шасси. Бабка выуживала умервщлённую посудину своим костылём и тщательно вытряхивала из неё содержимое. После бабки Ползунков сильно расстраивался и по несколько раз сбивался, пересчитывая деньги. Иногда плакал.

Однажды у Ползункова появились конкуренты с конкретной лажей, то есть с явной подделкой. Почему это были подделки? Ну во-первых, тарелочки у них не летали, во-вторых, не пукали, как на них не дави, и,в-третьих, кроме тараканов в этих псевдотарелочках никто не жил.

От конкурентов Ползункову помог избавиться сам рынок, то бишь покупатели, они просто не стали покупать тарелочки-лажу, и конкуренты исчезли, словно их и не было.

Долгое время успешно торговал Ползунков НЛО, но вот пропал мужик и никакая полиция его не может найти. И дело не в конкурентах, мне представляется, допрыгался Ползунков – с сачком в руках в аномальных зонах и сидит сечас где-нибудь на Альфе-Центавре в альфообразной клетке и жалобно скулит, с рук не ест, тоскует по Родине. Вот тут и призадумаешься, прежде чем в бизнес удариться.

Вкусы НЛО

Друг историю поведал –
как-то он сидел, обедал,
ел котлеты у окна
(их нажарила жена),
вдруг в открытое окно
залетает НЛО.
Заскакала, словно белка,
эта самая «тарелка»,
наконец утихла,
над столом зависла,
помигала малость,
и – припарковалась.
Друг опешил, но не струсил,
понял он «тарелки» вкусы,
положил котлетку
в эту он «тарелку».
Та в ответ чего-то спела,
к потолку потом взлетела.
шмыг, довольная, в окно.
«Кушай, кушай, НЛО!»

Могу попробовать?

Магазин, фруктово-овощной прилавок, к нему подходит прилично одетая, довольно упитанная тётка, начинает ковыряться во фруктах.

– Паренёк, этот виноград у тебя почём?

– Сто восемьдесят.

– Мамочки! Он хотя бы сладкий? Могу попробовать? Чёто не поняла. Ещё пару штучек съем. Ага. Ещё пару. Вот теперь верю, что сладкий. Родимый, а сливы у тебя вот эти почём?

– Сто сорок.

– Мамочки! Они хотя бы сладкие? Могу попробовать? Чёто не поняла. Ну-ка ещё одну съем. Вот теперь верю, что сладкие. А вот эти яблочки, парень, у тебя почём?

– Сто десять. Женщина, есть же ценники. И вообще, покупать что-нибудь будем?

– Да ты не злись. Без очков я, родимый, вот и спрашиваю цены. Ой! Почём, ты сказал, яблочки? Ой! Лучше бы не говорил! Меня щас инфаркт тяпнет! Ой!!! Спасибо, милок. Мням... А сладкие у тебя яблочки. Ой, вроде полегчало. Парень, а вот эти груши, они почём?

– Не важно...я сейчас вам выберу...ешьте на здоровье.

– Ну, ты меня балуешь, ишь-ты, сладкая...была...и мягкая. А вот скажем, родной, дыньки у тебя...ик...почём?

-...

– Мило-ок! Проснись! Задумался что-ли? Я говорю – дыньки у тебя почём?

– .... Женщина, вы рыбки дармовой попробовать не хотите? А?

– А она сладкая?

– Солёная. Но – вкусна-а-а-я-я-я. И копчёная. Дармовая. Хотите?!

– Не пойму в чём подвох. Ну, допустим, хочу рыбки копчёной поесть. От души.

– Тогда идите вон туда, там продавец – Серёжа, я ему позвоню и всё устрою.

– Ладно, уговорил, я пошла.

– Фух-х-х...Алё, Серёжа! Сейчас к тебе одна особа подойдёт. Уже подошла?! Хорошо. Серёжа, ты её рыбкой копчённой покорми. Ага, за мой счёт. Пусть ест сколько влезет. Выбери самую-самую вкусную и самую...просроченную, я её уже грушей подгнившей покормил. Есть такая? Отлично! Как ...наестся, Серёжа, отправь её к Вере – в молочный, я ей позвоню. Спасибо, друг!.... Приятного аппетита, женщина...

Фундук

Кабинет . Фээсбэшник допрашивает рядового срочной службы – Фундукова.

– Чтож, давай рассказывай: как всё было, рядовой Фундуков. К стати, откуда такая фамилия?

– От отца с мамкой.

– А у них откуда?

– Так у нас в дяревне Фундуково все Фундуковы. А ещё я хочу сказать, что наша дяревня расположена в живописнейшем месте, правда на окраине нашей дяревне поля...

– Оставим географию, поля там всякие, говори по существу. Насколько я знаю, тебе прислали из дома орехи?

– Ага. Фундук. Двадцать пять килограммов.

– А причём здесь сломанный автомат?

– Так я их автоматиком колол. Их. Фундуков.

– Находясь на посту?

– Ага.

– Охраняя склад боевых, я подчёркиваю, боевых припасов, ты спокойненько колол орехи заряжёнными боевыми патронами автоматом?

– Ага.

– И как успехи?

– Сломался автоматик – приклад не выдержал, раскололся. Уж очень они крепкими оказались. Они – фундуки.

– А зачем ты стрелял?

– Он сам. Он автомат...ик. Всю обойму зараз.

– Рассказывай дальше.

– Никто не прибяжал на выстрелы. Раз автоматик всё равно сломался, я тем что от него осталось сбил замок с ворот склада бояприпасов и стал замком колоть фундуки.

– И как успехи?

– Сломался замочек. Я же говорю, крепкие они оказались – фундуки.

– Да ты что!

– Вот я и взял тогда в руки этот проклятый снаряд. Я думал яму ничаво не будет. Он во-о-он какой большой, а фундуки – они ма-алянькие.

– Ма-алянькие!!! Ну и фундук ты, рядовой Фундуков! Одного я не пойму, рядовой Фундуков. Склад боеприпасов в клочья, а на тебе ни царапинки. Как так?

– Так я же не договорил в самом начале нашего с вами разговора. Наша дяревня Фундуково находится в живописнейшем месте, правда на окраине нашей дяревне полягон расположен, военно-учебный.

– И что?

– А ничаво. Мы, Фундуковы, к взрывам-то прявыкшие...

Золотая рыбка

Она плавала и ела, ела и плавала. Смотрела сквозь стекло аквариума своими сонными выпученными глазами неизвестно куда, на кого, на что, и ела, ела и плавала. Золотая. Не знаю почему, но я решил что она настоящая золотая, то есть как в сказке Пушкина.Да, золотая волшебница, но вот абсолютно глухая, не слышит моих желаний и всё. Глухня старая! Или молодая? Не знаю.

Ну, а я то точно молодой. И у меня не корыто, жигулёнок разбитый, после аварии вон в гараже гниёт, починить не на что. И квартира у меня – хрущёвка, и женщины давно не было. А она не слышит меня и всё. Глухая тетеря!

«Ну,– думаю,– раз ты глухая, напишу-ка я тогда на стекле аквариума свои желания, и так, чтобы тебе понятно было – справа налево.» Раз написал, два...бесполезно. Красным маркером жирно так писал: и про машину новую импортную, и, что, мол, дом собственный хочу огромный, да, про блондинку пышногрудую написал – бесполезно. Оказывается, она ещё и безграмотная – так получается? Это что ж за рыбка такая... волшебница, блин. Неужто подделку, фигню китайскую в зоомагазине всучили?

Наконец вот что я придумал: я на стекле аквариума тем же красным маркером все свои желания нарисовал, благо аквариум большой. Нарисовал как умел конечно, но разобраться в том, что я прошу даже гупёшка смогла бы. А эта по-прежнему не в зуб ногой...»Ах ты,– думаю.– Ну, я тебе устрою.» И я объявил золотой волшебнице (правда не сознающейся в этом) войну.

Во-первых: отсадил её в трёхлитровую банку, во-вторых: не стал давать ей живого корма, в-третьих: отменил смену воды, в-четвёртых:: распылитель воздуха я включал только в крайнем случае. Результат – ноль! И тут моё терпение

лопнуло. Я опустил в банку два провода с оголёнными концами, на других концах которых была электровилка. Я показал ей эту электровилку и сказал: «Ари де верчи, бэби.» И тут золотая рыбка заговорила.

– Не суй в розетку вилку, старче,– сказала она.– Не волшебная я золотая рыбка, а обыкновенная, аквариумная, хотя и золотая – по породе. Ты же сам меня покупал в обыкновенном зоомагазине, цена-то мне – сто рублей.

– Врёшь!– завопил я.– Ты вон разговариваешь, значит волшебница ты! А-ну, исполняй мои желания!

Тут рыбка вздохнула, пузырки пуская, и ответила мне устало:

– Да обыкновенная я. Просто ты, козёл молодой, так меня достал, что я по неволе и говорить, и писать, и читать, и рисовать хвостом научилась! Кстати, я ещё им фигу могу показать. Вот, гляди!

Через нервы к звёздам

Ходунов, когда нервничал,то начинал танцевать степ. Болезнь не болезнь, привычка не привычка, но это его успокаивало. Правда других раздражало. Ну ещё бы, представьте такое: я – начальник, а вы – Ходунов. Я – вам:

– Ходунов, вы когда начнёте фирме приносить пользу?

Вы – мне:

– Скоро, Иван Иваныч.

Я:

– А конкретнее. Когда?

Вы:

– Очень скоро, Иван Иваныч.– А сами потихоньку – цок, цок-цок-цок.

Я – вам:

– Пошёл вон из кабинета!!!

Вы красиво, с дробью удаляетесь. Однако я взбешён: подчинённый ни черта не делает, плюс, когда ему на это указывают ещё и танцует.

В результате Ходунов скакал с работы на работу. И вообще, не везло ему в результате. Женщины от него шарахались, мужики его били, соседи на него жаловались: мол, как футбольный матч по телевизору так танцы до упаду. Но однажды жизнь Ходунова круто изменилась.

Случилось это глухой ночью. Человек по фамилии Быков попросил у шедшего в одиночестве Ходунова закурить. Ходунов хотя и не курил, но сигареты носил с собой всегда для подобных случаев. Он протянул пачку сигарет Быкову, и, пока тот вытаскивал сигарету, пока прикуривал, понятное дело, стал понемногу, понемног отчебучивать степ. Быков прикуривал долго и всё пачку Ходунову не возвращал. Ходунов, бедный, уже такое начал выделывать – вам и не снилось. Но вот что невероятное – Быков, глядя и слушая ногопляску Ходунова, оставался совершенно спокойным. Наконец он вернул Ходунову пачку сигарет и сказал:» Позвони мне завтра, сынок.» И визитку протянул.

Короче, человек по фамилии Быков оказался продюсером разных там шоу. Короче, Ходунов гастролирует теперь по всей стране, а также за её пределами. Он теперь знаменитый артист-степист. Правда на сцене Ходунов чувствует себя не уютно – нервничает. Зато танцует как бог.

Мутант обыкновенный

Маркелыч с детства знал этот лес, знал грибные места, но сегодня ему не везло, грибов попадалось мало. Где-то опередили многочисленные грибники, где-то грибы зачервивили, а где-то ещё и не вылезли.

Маркелыч почти без результата бродил по лесу, пока не наткнулся на огромного красавца – красноголовика.

– Ба-а, вот это богатырь!– не удержался Маркелыч.– И кажись не червивый.– Он склонился и только достал нож как вдруг услышал тоненький голосок:

– Пожалей, старый. Дай ещё пожить.

– Это кто со мной разговаривает? – удивился простодушный старик.

– Я – красноголовик, царь зверей.

Маркелыч склонился ещё ниже над грибом.

– А чем же ты говоришь? Рта-то у тебя нету.

– Таковы уж мы – грибы: без ртов, без прочих человеческих органов. А говорить я могу и большой такой потому что мутант. Мутант обыкновенный – сорт такой новый, радиация же кругом. Не руби, старый. Я – царь зверей, пропадут мои подданные без меня.

– Слушай, раз ты радиактивный, есть-то тебя всё равно нельзя.

– Нельзя конечно.

– Чтож, живи...

Маркелыч повздыхал, и удивляясь чуду, отправился восвояси. Но не сделал он и десяти шагов, как услышал сзади гомерический хохот. Старик обернулся. Молодой, здоровый парень, хохоча, укладывал царя грибов в свою корзину.

– Здорово я тебя провёл, дед! – давясь от смеха, сказал верзила.– А я вижу ты склонился над грибом,я подошёл поближе и вот за этим вековым дубом пристроился. Ай, думаю,

повезло же деду. Ну и сыграл я с тобой шутку, теперь царь грибов мой!А ты ещё насобираешь себе.

– Сволочь ты, парень. Да бог с тобой,– Маркелыч сплюнул и развернулся, чтобы идти.

– Э! Подожди, дед!– бугай подбежал к Маркелычу.– Понимаешь, заплутал я. Подскажи мне, как на шоссе выйти.

– Ну и наглец ты. А как хочешь так и выходи,– огрызнулся старик и юркнул в чащобу.

– Дед! Ты где, де-ед?!!!– ошалев, испуганно заорал парень.

Тут из чащобы раздался голос Маркелыча:

– А ты залезь на тот дуб вековой, за которым прятался, когда надо мной шутил, да и спроси у макушки дуба – где шоссе. Дуб тебе ответит, верно говорю. А мне с тобой общаться боле некогда. Пока.

По хрусту веток верзила понял – старик ушёл.

– Ха! Нашёл дурака!– крикнул он Маркелычу вслед.

Однако, подумав, бугай полез таки на вековой дуб. Забрался он не высоко, потому что высоты боялся. А вот вопросы насчёт шоссе он дубу задавал. Много раз. Дуб молчал.

Так и не увидел парень шоссе, он его услышал. А как услышал, то ломанулся словно трактор, и на радостях про корзину свою забыл с тем самым царём-красноголовиком, мутантом обыкновенным.

Херя

Купил я на птичьем рынке попугая. Разноцветный красавец сразу привлёк моё внимание, к тому же не говорящий. А мне и нужен не говорящий, я тишину люблю. Правда иногда, в длинный выходной, поговорить с кем– нибудь хочется. Вот и поговорю, если что, а он пусть молчит и слушает.

Принёс я попугая домой, посадил его в клетку, корма насыпал, водички налил и имя ему дал – Кеша, ведь я покупал его как птичку мужского пола.

На следующий день этот Кеша мужского пола попугайчихой оказался. Я это понял, когда увидел снесённое им серое яйцо в чёрную крапинку. Так Кеша стал Ксенией.

А вскоре из яйца попугайчонок вылупился. Попугайчонок получился не красивым: облезлый, бесцветный. Но это полбеды. Вылупившись, страшный попугайчонок поклевал корма, попил водички и...чётко произнёс три слова. Первое – мама, второе – мать, третье – твою.

Четвёртое его слово было не печатным, отчего я поднёс к его клюву кулак.

– Ещё одно не печатное слово,– сказал я,– и я брошу тебя уличным котам. Понял?

Птенец нехотя кивнул и ответил с вызовом:

– Не бери на понт, начальник!

И тут только до меня окончательно дошло, я схватился за голову:

– Так ты и впрямь говорящий?!

– Ну,– буркнул птенец и цыкнул слюной в угол клетки, где как раз съёжилась в комок его мать.

– А почему не говорит твоя мама?– спросил я.

– Она не поддаётся обучению человеческой речи,– ответил птенец.– А меня и учить не надо, у меня это врождённое. Мой папа, я так фенькаю, такой же, все его гены ко мне

перешли. И привычки. Кстати, ёкарный бабай, закурить не будет?

– Я не курю,– огрызнулся я.

Время было позднее, я лёг спать, но перед этим на клетку напялил наволочку.

Три часа птенец не давал мне заснуть. То он орал:

– Незаконно режим ужесточаешь! Убери тряпку, начальник!

То пел блатные песни. То заставлял свою маму хоть из-под земли достать игральные карты. То вслух фенькал как ему из корма и воды сварганить брагу. То... В конце концов я не выдержал и замотал птенцу клюв скотчем.

Чудо-юдо-птенец рос не по дням а по часам, вскоре он стал вдвое больше своей матери. Дабы не произошло несчастного случая, то-есть, чтобы Ксению не придавил своим весом этот бугай, я купил вторую (огромную) клетку и пересадил в неё ХЕрю.

ХЕря – так он велел себя называть. Радовался болван в перьях: «Не фиговое у моих детишек отчество будет!» И при этом непременно цыкал слюной в сторону клетки с Ксенией: – « А моё как отчество, а, мамуха? Молчишь?!» Мамуха молчала, глядя на того мокрыми глазами.

Да, насчёт перьев. Одно он обещал засунуть мне под ребро, если я ежедневно не буду увеличивать ему пайку. Также я должен был снабжать его «Беломором», плюс – никакой наволочки. Пришлось пойти на уступки. Вообще, я мог бы легко выбросить Херю в форточку, но как только я собирался это сделать, Ксения так на меня смотрела, что моё сердце сжималось.

Шло время, непечатные слова в моей однокомнатной квартире раздавались непрестанно, дым стоял коромыслом. Заплёванную Ксению я переселил на кухню. И всё же Бог есть на свете: в один прекрасный летний день Херя взломал

клетку и вылетел в закрытую форточку. Я и Ксения вздохнули с облегчением.

Вот так, граждане. Будьте бдительны, приобретая разных животных и птичек, требуйте родословную даже на улиток.

И ещё: после побега Хери мы с Ксенией вздохнули с облегчением, а вот на улицах города резко возросли криминальные случаи, особенно квартирные кражи. Кто-то ловко орудовал через форточку, не взирая на высоту этажа.

И ещё: то ли в результате нервного стресса, то ли ещё от чего, но Ксения заговорила. Первое, что она выговорила – это известная пословица: «Любовь зла – полюбишь и козла.» И вздохнула как-то по-человечески грустно.

Вот так.

Разговор в курилке

– Семёныч, угощайся.

– Спасибо, Сан Саныч, не-е,– Семёныч замотал головой перед протянутой пачкой импортных сигарет.– Лучше курни моих,– из полосатой пижамы он выудил пачку «Примы» без фильтра и не то кашлянул, не то крякнул в кулак.

– Не могу крепкие,– Сан Саныч ткнул пальцем в левую сторону груди и закурил свои, импортные. А Семёныч закурил свою «Приму».

Эти два чудесных старика опасного возраста пребывали в больнице вторую или третью неделю. Лёжа в одной палате они сдружились, любили вместе выйти в курилку для больных, где не пахло лекарствами и где лучше беседовалось под табачок.

Старики, закурив, уставились в окно, за которым белел край города и чернел уральский лес.

– Да-а... А снега нынче не густо, маловато снега,– по-пижонски выпустив кольцами дым,– сказал Сан Саныч.

– Маловато,– коротко согласился Семёныч.

Тут за окном закружил снег – не частый и мелкий.

– Да разве это снег?!– воскликнул Сан Саныч с досадой и стукнул кулаком по подоконнику.

– Это не снег, – снова согласился Семёныч. И вдруг он встрепенулся. Его спокойные до этого глаза наполнило какое-то непонятное детское озорство.– А я вот помню в одном годе снега навалило аж по пояс! За один час и по пояс! О!– выпалил он на одном дыхании.

Сан Саныч хитро прищурился:

– Семёныч, а не в семьдесят шестом ли это было?

Семёныч удивлённо приподнял брови и... согласился:

– Ага, в семьдесят шестом.– Но добавил:– Первого декабря.– И ещё бросил в довесок:– Примерно в это же время.

У Сан Саныча импортная его сигарета выпала изо рта прямо на белоснежный пластиковый подоконник. Сан Саныч закинул её обратно в рот, затем он сморщил лоб так, что тот стал похож на древнюю стиральную доску, тюкнул по нему кулаком и заговорил скороговоркой:

– Да-да-да, помню-помню... Это было в семьдесят шестом году, первого декабря, снег валил от восьми до девяти утра. Да-а, я отлично это помню. Ой, что тогда творилось! У-у-у!

– Не укай,– Семёныч почему-то нахмурился.

А Сан Саныча, что говорится, понесло. Учащённо дымя, он спешил рассказать то, что творилось на улице первого декабря 1976-го года, тридцать шесть лет тому назад.

– Помню на работу пошёл, гляжу на небо, мама родная! Туч собралось видимо-невидимо. И ветер поднялся. Шквальный. А работа, Семёныч, дело же святое. Поэтому я ворот плаща поднял, зонт раскрыл и вперёд. А тут ка-ак жахнет, ка-ак рванёт! Я думал всемирный потоп начался. Веришь-нет, машины плывут, автобусы переворачиваются, а я на работу плыву ... кролем. Да-а-а...

Глаза Сан Саныча, не мигая, смотрели сквозь время. Семёныч кашлянул нарочито громко, так, чтобы его приятель очнулся. Приятель очнулся:– Вот такой дождище был, Семёныч.

– Вообще-то мы про снег говорим, Сан Саныч.

– Да?... А, ну сначала снега навалило по пояс, а потом уж ливень ка-ак! Да ты ничего не помнишь что-ли?

– Это я-то ничего не помню? Я всё помню,– Семёныч глубоко затянулся своей примкой.– Я как раз за хлебом пошёл. Главное, из магазина-то вышел...в валенках А тут как сверкнёт, как рванёт. Домой вернулся, хоть выжимай вместе с одёжей. Во что творилось!

– Да-а, я ещё удивился – декабрь и дождь.

– Тогда все удивились...

В воздухе повисла пауза. Старики переглянулись. Отрезвев от собственных баек, они вернулись к реальности.

– Нет не густо, маловато нынче,– не своим голосом первым заговорил Сан Саныч.

– Чего не густо? Чего маловато?– подковырнул его Семёныч.

– Как чего? Снега конечно!

Наконец-то с лиц стариков спала напряжённость. Одновременно они стали смеяться. Сан Саныч смеялся басисто, увесисто. Семёныч стрелял с хрипотцой длинными очередями. Смеясь они вышли из курилки. Рука Семёныча лежала на плече Сан Саныча и наоборот. Перед самой палатой они остановились.

– А я вот помню,– сквозь смех неожиданно для себя обронил Семёныч,– в одном годе аж до февраля снега вообще не было.– Продолжая смеяться, он вдруг обнаружил, что смеётся один, Семёныч замолк.

Сан Саныч стоял рядом, и собираясь с мыслями, морщил лоб в древнюю стиральную доску.

Вторую ли третью неделю эти два чудесных старика пребывали в больнице. Вы не подумайте, что у них с головой не всё в порядке – нестрашные урологические заболевания и только.

Роковая дуэль

Огромный, богато уставленный мебелью холл мерцал красными пятнами, которые были отражением огня, полыхающего в большом камине. У камина стояло два вместительных кресла.В них расположились двое гусар: один не старый, но уже седой поручик, другой – совсем юный корнет. Под их начищенными до блеска сапогами лежала медвежья шкура – головой к камину, гусары курили трубки, потягивали пунш и беседовали. Обо всём.

– А вам не приходилось драться на дуэли? – спросил безусый корнет не по годам седого поручика.

– Драться? Нет, не приходилось. Но я был секундантом на дуэлях ... сорок два раза.

– Не хитрая штука – быть секундантом, к тому же безопасная,– съёрничал корнет, сделав,уже кажется, лишний глоток пунша.

Поручик, нисколько не смутившись, снисходительно улыбнулся:

– Безопасная? Не скажите, молодой человек, не скажите. А хотите, милый корнет, случай?

– Хочу! тряхнув чубом, юный корнет сделал ну уж совсем лишний глоток пунша.

– Ну-с, слушайте-с,– седой поручик глубоко затянулся и ушёл взором в прошлое. – Служили в нашем полку некие Конский и Аголицын (опустим их звания и заслуги перед отечеством). И вот они как-то повздорили за карточной игрой. В результате Конский кинул свою грязную перчатку в лицо Аголицыну и предложил тому дуэль – стреляться с двадцати четырёх шагов.

Аголицын был не трус. С трудом отодрав перчатку от лица, он принял предложение Конского.

И вот дуэль. Её решили состряпать по-тихому. Нас было всего четверо: двое стреляющихся и двое секундантов. Я был

секундантом со стороны Аголицына и я был, замечу, черноволос как арап. А секундант Конского, отмечу, имел отменное здоровье. Сейчас вы поймёте к чему я это говорю.

Итак. Дуэлянты взяли в руки пистолеты и заняли позиции. Кстати, была зима, падал снег. Был чудный день, лесной чистый воздух внушал радость к жизни. Хотелось жить!...

Между ними было ровно двадцать четыре шага, отмеренных мной.

– Господа! Не хотите ли примириться, – предложил я.

– Ни в коем случае!– заверещал Конский. – Только стреляться! Причём предлагаю уменьшить расстояние между нами на...двенадцать шагов!

– На двенадцать?– поперхнулся вишнёвой косточкой Аголицын, но тут же оправился: – С двенадцати шагов пусть дети стреляются! Я предлагаю стреляться!... с восьми...

-Ха-аааа-а!!!– после некоторой паузы нервно заржал Конский.– А я не буду стреляться с восьми, я буду... с шести!

– С четырёх!– рубанул Аголицын

– Ха-ааа-а!!!– вновь заржал Конский. – С трёх!

Я посмотрел на второго секунданта, тот держался за сердце. Мне и самому становилось дурно от такой «торговли», но она продолжалась.

Аголицын сквозь зубы:

– С двух!

Конский:

– С одного!

Аголицын:

– С пол-шага, милостливый государь.

И тут я не выдержал и закричал:

– Стоп! Господа гусары, дальше торговаться некуда, поэтому прошу стреляться... с пол-шага! Точка!

Дуэлянты со мной согласились. Я отмерил пол-шага, начертил на снегу две черты и объявил:

– Господа! Приступайте!

Дуэлянты сошлись и упёрлись дулами своих пистолетов друг другу в животы.

– Конский, стреляйте первым,– обречённо сказал Аголицын.

– И стрельну,– брызнул слюной Конский.

Внимание! Барабанная дробь. Конский взвёл курок и... тут... мать его! Конский решил поиграть в благородство. Ба-бах!– он выстрелил в воздух.

– Ваш выстрел,– напомнил я Аголицыну.

Аголицын тоже: ба-бах! – в воздух.

Я, почуяв неладное, взглянул на второго секунданта. Тот лежал на снегу, на спине, раскинув руки как Христос. Как потом выяснилось– он умер прямо на месте, от разрыва сердца.

– Господа,– просипел я,– дуэль завершена....

Но дуэлянты уже меня не слышали, они обнимались.

Дома я подошёл к зеркалу, я был белый как лунь.

Вот такой случай был, милый корнет. А вы говорите, быть секундантом – дело безопасное...

Седой не по годам поручик, закончив свой рассказ, принялся по-новой набивать трубку. В камине трещали дрова, безусый корнет плакал как ребёнок.

Забывчивая мадам

Ничего плохого в этом нет,
Что у вас, мадам, в шкафу скелет,
Не у вас одной с головкой шфах,
Много их, скелетиков, в шкафах.
Вспомнили, открыли, ну и славно.
Он любовником был славным, ну и ладно.
Гляньте – улыбается он вам,
Он в порядке, всё окей, мадам!
Мы сгребём его и в институт,
За него нам денюжку дадут.
Будет пир и много, много роз,
Позабудете, мадам, про свой склероз.
Ну же, веселей чело, мой друг.
Чу! Я слышу в двери чей-то стук.
Кажется, то муж ваш. Ой! Я взмок.
Я – к скелетику, заприте на замок.

Не-а!

(монолог чересчур упрямого человека)

– Послушай друг, упрямства во мне чересчур. Даже больше, чем у того животного, про которого вы подумали. Вот, например, мне тут говорят, после работы

– На, Витёк, держи стакан. Угостись и катись.

– Не-а,– говорю я им, головой мотая.– Либо угощайте как следует, до икоты, либо нечего мне рот одним стаканом марать.

Или другой пример. Собирали мы тут в лесу ягоды – малину. Мне говорят:

– Виталий Осло...Петрович. Пойдёмте в другое место ягоды собирать, слышите – медведь утробой урчит, малину жрёт где-то рядышком. А я в ответ им головой мотаю:

– Не-а! Никуда я отсюда не пойду, ведь малинник-то вон какой знатный. А медведь паршивый мне не авторитет.

Смотрю – товарищи мои вёдра в зубы и бежать, а я упрямо руку тяну к ягоде. Рву и в ведро, рву и в ведро, рву и... простите, это у меня нервное, я вам потом пуговицы пришью. В общем, пока медведя за нос к ведру не притянул не успокоился. Вернее, это медведь меня успокоил. На полгода. Полгода я в гипсе провалялся. И всё равно он мне не авторитет!

А вот ещё: жена первого апреля сообразила. Тут я поподробнее, можно?

Возвращаюсь из командировки как раз первого апреля. Поздно. На цыпочках прохожу в спальню, она же зала, она же столовая, она же...простите, больше мата не будет. Значит прохожу, только собираюсь открыть шкаф, чтобы пиджак повесить, жена как завопит:

– Не надо!!!

Вот тебе и спящая красавица. От её крика люстра зажглась во все шесть ламп, и на стене наш свадебный фотопортрет качнулся.

– Это почему не надо?– спрашиваю её.

– Потому, – отвечает Верка.– Лучше тебе его не открывать.

– Это почему лучше мне его не открывать, Вера?!– спрашиваю опять.– Вера,– говорю, скажи честно – в шкафу твой любовник?

– Да! – рубит она.

Тут у меня воздух в груди закончился, я рубаху на себе рванул и лбом об шкаф – бомм! Потом ещё – боммм! Потом ещё – бом, бом, бом! Последние разы об косяк получилось.

Простите, я сейчас всё подниму. Нет, мне не больно. А вашему лбу?...Вот и жена как закричит:

– Витя! Ты же так искалечишь...шкаф! Да открой ты его! Там одежда одна, нет там никакого любовника. Дурень! Сегодня же первое апреля, я пошутила. Ха-ха-ха! Разве тебе не смешно?

– Не-а,– говорю.

Распахнул я шкаф, а в нём и вправду одни вещи и никакого любовника. Верка смеётся, а я чувствую: ни ревность, не обида, а упрямство меня захлёстывает.

– Не-е-е,– блею.– Он где-то зде-е-есь.

Верка креститься давай – вот прямо как вы сейчас. Оправдывается:

– Первое же апреля, Витя, я пошутила.

– Он под кроватью,– предполагаю я.– И откуда только силы взялись после медвежьих-то переломов. Дубовую двуспальную кровать вместе с женой на попа поставил! Смотрю – никого.– Он где-то в квартире, – не унимаюсь.

Всё кругом перевернул, линолиум вскрыл, обои...Ну, нет любовника, хоть ты тресни!

Уж не помню как и успокоился. А! Полиция меня успокоила. На пятнадцать суток.

Да-а, не ладно что-то со мной. Недавно у экстрасенса был. Он меня гипнозом полечил, пальцем щёлкнул. «С тебя,-говорит,– десять тыщ.» Я поначалу было протянул ему деньги,-под гипнозом что-ли находился ещё,– но потом чувствую: моя шея мою голову поворачивать начинает. Вправо-влево, вправо-влево...Простите, я вас сигаретой по лицу шоркнул. Видите, какой этот экстрасенс халтурщик. Я ему:-»Не-а! Фиг тебе, а не деньги!» Так и ушёл, не заплатив. Он теперь судом грозиться, ишь какой упрямый. Я вас не утомил?...

А не плохой здесь бар. Давайте-ка выпьем. За что? За знакомство? Не-а!

Свадебный гость

Кузина никто не звал, он сам пришёл. У порога квартиры обычного пятиэтажного дома зачем-то оправдывался, мол простите, думал что поминки, а оно вон как оказалось – свадьба. Ломая кепку, уже было повернулся уйти, но открывшие ему дверь люди были в отличном настроении, тем более уже выпили, и Кузина впустили, как-никак родня всё-таки. Хотя никто так и не понял – кому и кем он приходится, но раз представился дядей Васей – значит кому-то дядя.

Кузина усадили за стол, поставили перед ним чистую тарелочку, налили в рюмку водки.

А тем временем свадьба шла своим чередом. Тамада, раскрасневшееся, толстая баба, съевшая на этом деле собаку, певуче что-то там читала по-десятки раз использованным листкам, она уже подходила к тосту. И вот, когда наступил сладкий момент тоста с избитой «горькой» оконцовкой, раздался голос, не терпящий возражений:

– А разрешите-ка мне произнести тост!

– Вам?– растерялась тамада-свиные глазки.

– Мне!– отрезал Кузин и поднялся во весь свой рост – метр сорок.

Тамада, опешившая, плюхнулась на свой стул.

Кузин, взмахом головы, откинул назад бело-чёрную чёлку, одёрнул полы старенького серого пиджачка, и взяв со стола рюмку, торжественно начал свой тост:

– Дорогие Пётр и Рая!

Кто-то подсказал с шипением: «Александр и Светлана».

– А то я не знаю – усмехнулся Кузин, кашлянув в свободный костистый кулачок и зыркнул на подсказавшего.

Все как-бы тоже усмехнулись. Один из гостей (подсказавший) правда громко заржал, но Кузин остановил его испепеляющим взглядом, а затем невозмутимо продолжил:

– Дорогие Александр и Светлана! Впрочем,– смягчил тон Кузин,– давайте-ка по-простому. Сашка! Тебя, Сашка, я с пелёнок знаю. Маленький ты брыкастый был, копытистый. Помню, капусту жрал – будь здоров. У других отбирал детишек. Маленьких, голодных...

Тут жених стал испуганно озираться по сторонам, мол какая к чёрту капуста. Какие детишки голодные?

– Всё блеял ты, блеял,– продолжал тост Кузин,– всё бегал по огородам соседским. А теперь всё. Всё! Хана теперь тебе, Сашка, отбегался! Привяжут тебя к верёвочке! Ну и ладно. Ну и ничего. Терпи, Сашок... Я заканчиваю.

После этой фразы Кузина все присутствующие облегченно вздохнули. Жених смахнул со лба пот, невеста отхлебнула водки.

– А посему, я заканчиваю,– сказал Кузин и вдруг с надрывом всхлипнул: – Горько!– И хлопнул опорожненную рюмку об пол.

– Горько-о!!!– после небольшой паузы дружно заорала свадьба и заскандировала словно на хоккейном матче: Горько!!! Горь-ко !!!

Жених и невеста поднялись со своих мест и слились в поцелуе. Раздались апплодисменты.

– А теперь – споём!– вскрикнула тамада.

На её призыв взъерошенный гармонист растянул было меха и затянул что-то свадебное. Его песню уже начали подхватывать, но тут...

– Разрешите снова мне!– раздался голос, не терпящий возражений.

– Да что же это такое,– возмутилась тамада, но не громко, скандал ей был ни к чему, тем более деньги она уже получила.

– Валяйте!– разрешил пьяный отец невесты.

– И правильно,– Кузин снова вырос на метр сорок из-за стола. – Я как раз о вашей дочери хочу сказать.

Отец невесты получил тумак от матери невесты, а у невесты задёргалось правое веко.

– Светлана! Светик ты наш семицветик! К стати, мама невесты, передайте мне вон тот салат из капусты и вон тот фужер под водку.

– Он хрустальный,– промямлила было мама невесты, но Кузин сверкнул очами. Он налил себе под каёмку.

Для техники безопасности позади него кто-то бросил пару падушек – из придагого невесты.

– Тебя, Светик, я тоже с молодых копытц знаю.

– Да я не местнааяя!– проорала невеста.

Кузин словно не услышал её:

– Любила ты, Светик-семицветик, побегать по полянкам там разным, по огородам всяким. Одна, или с кем-то.Нет, конечно, и ходить и бегать ты и теперь сможешь, но только под строгим приглядом мужа. Он у тебя козёл видный, да и ты козочка ничего– вот и пойдут у вас красивые козлята. Мда.

– Сам ты козёл! – не выдержал жених.– Что за фигня?! Капуста, огороды, копытца?! А?!Ты,вообще, кто такой?! Ты чей?! Родственник!!!

– Ну, ты бодни ещё меня,– огрызнулся Кузин и махнул в три глотка свою водку. Пустой фужер врезался в подушки.– Гоорькооо!!!– взревел опьяневший Кузин и обвёл мутными глазами комнату, полную людей. – Ну что уставились, козлы?! Я сказал – горько!– это он обратился ко всем присутсвующим здесь. Возникла мёртвая тишина. А потом началось.

Пьяный Кузин потянул на себя скатерть со стола, так он решил удержать равновесие, потому что его сильно качнуло. Естественно: грохот полетевшей посуды, мат. Отборный мат. Затем жених бил Кузина. Затем били жениха. Короче, стало происходить то, без чего не обходится не одна русская свадьба – повальная свадебная драка.

Кузин кубарем выкатился из подъезда. Он с трудом встал на ноги, отряхнулся, напялил на себя кепку и, шатаясь, побрёл.

Дул холодный, осенний ветер. Он брёл до тех пор пока не шагнул на огромный пустырь, покрытый местами травой. Ещё зелёной. Остановившись, Кузин задрал голову на луну. Кепка с его головы упала, луна наливалась белым соком.

И вот наступило полнолуние. Вдруг раздался хруст костей – руки Кузина превратились в ещё одну пару ног, а из его черепа вылезли рога.

«Б-е-е-е!» – заблеял Кузин и ринулся в сторону горизонта.

Жутики

Привычка

Осветилось кладбище луной,
Встала бабка из могилки
И пошла скрипучею ходьбой
Собирать по кладбищу бутылки.

Достали

Снова весел каменщик Трушников,
После некой содеянной мелочи –
Замуровал он двух пэтэушников.
Ну, достали мастера неучи!

А в каморке своей

Где-то плачет ребёнок, потом замолкает.
Где-то гнётся осина и плачет потом.
А в каморке своей Карло бабу ваяет
Вместо этого, как его...БуратинО

Частушки-страхушки

Шла по кладбищу – чуть свет,
Подкатил ко мне скелет,
Домогался – лез из кожи.
Я дала ему... по роже.
– Милка-чё, да милка-чё,
Чё мне с тобой не горячо?
– А и не будет жарко, милый,
Я три дня уж как остыла.
Эх! Люблю в снежки играть!
Ух! Я девка будь здоров!
Их! Люблю устраивать
Сотрясения мозгов!
Я в Египте отдыхала,
В пирамиде была я.
Мумиёночка рожала
Девять месяцев спустя.
Ходят по селу скелеты,
Над селом гробы летают.
Да, напрасно этим летом
Здесь я отдыхаю.
В небе полная луна.
– Ты – козёл! – орёт жена.
Виноват я что ль, в рот пень,
Что такой оборОтень!

Весёлая же...же...

Человек с фамилией,– приятной для огородников и садоводов,– Секаторов нервно курил и созерцал зашторенное наглухо ледяными узорами окно, за которым выла вьюга. Мыслишки лезли в его полулысую-полупьяную голову хмурые. Секаторов был зол на весь мир, жена ушла, забрав детей, на работе его не ценили – его, знатного прораба.

Наконец он выщелкнул двумя пальцами «бычок» на улицу, захлопнул форточку и сел за стол. Налил. Раздался звонок в дверь.

« Кто бы не был – убью!» – решил Секаторов, с шумом покидая кухню.

Он открыл дверь, на пороге стояла весёлая молодая женщина, вся в белом, курила. Странно, но Секаторов узнал некогда его «бычок».

– Ты кто?– спросил он без выражения.

– Вьюга, блин,– ответила женщина и сплюнула «бычок» на пол квартиры Секаторова.

Тот внимательно посмотрел на «бычок», дымящийся на полу его прихожей, закатал рукава по локоть и как-то печально-радостно возвестил:

– Ну вот, женщина, и смерть твоя пришла!

– Ага, точно, смерть пришла,– весёлая невозмутимость весёлой женщины поражала,– да только не моя а твоя, дурень!– Блин, смерть я, Секатор!– выпалила женщина.– Вот, по твою душу пришла, горемыка.– И хохотнула. Словно из преисподней.

Что-то произошло с Секаторовым: он опустил руки, они повисли плетьми, потухли его глаза, он мгновенно постарел.

– Проходи.

– И пройду.

Они сели на кухне за стол, молча выпили. Затем по второй.

– А ты ничего, хотя и смерть,– вдруг сказал Секаторов.– А где коса?

– А это что?– весёлая женщина перекинула из-за спины на красивую грудь, обозначенную обтягивающим белым платьем, толстую белую косу с белым, весёлым бантиком на конце.

– Ты чё, меня ею?

– Могу и ею.

– Значит добить меня решила судьба,– закручинился Секаторов.– Впрочем, я не удивлён.

Они выпили по третьей.

– Женщину бы напоследок,– вперился Секаторов в грудь весёлой женщины,– а потом можно и туда.– Он закатил зрачки к потолку.– Только покрасивее бы как-то умереть. Это ты можешь?

– Я многое что могу,– сказала весёлая женщина и улыбнулась своей обворожительной, белозубой улыбкой.

Вьюга ночью прекратилась и утро выдалось хотя и морозное, но солнечное, тихое.

Секаторов соскочил с кровати, нужно было собираться на работу.

« Приснится же,– похмельно подумал он.» Он взглянул на вторую половину кровати, понял – не приснилось.

Под китайским пледом, на бочку, поджав ножки, лежала красивая, беловолосая женщина. Она спала, по-детски чмокая губами.

«Такая не может убить,– расцвёл Секаторов.» Он стал одеваться, она услышала это и проснулась.

– Ты на работу?

– Туда. Кстати...

– Я тоже туда... чуть попозже...– И она снова запричмокивала.

«Кстати, как звать-то тебя?»...

Он свалился с поддона и полетел вниз. Он – это кирпич.

Он летел, сверкая на солнце острыми гранями, а сквозные дыры его, пропуская через себя морозные струи воздуха, создавали ему вращательные движения – небольшие, плавные. Так он летел, плавно вращаясь, летел как бог. Правда он был тяжёл и без крыльев, но он летел. Летел правда строго вниз, а что поделать, закон притяжения – он и на стройке закон притяжения. Но вот полёт его ускорился. Внимание! Он стал чаще вращаться! Появился угрожающий свист! Долбаный закон притяжения!!!

Кирпич плюхнулся на утоптапный снег в метре от Секаторова. Побледнев, тот задрал голову. Из кабины крана высунулась другая голова – женская, с белой косой.

– Секатор! Уйди из-под стрелы, блин!– прокричала голова.

Секаторов узнал женскую белобрысую голову и на его лице появилось подобие улыбки.

– П-прораб, ты чё т-технику безопасности нарушаешь?– подлетел к Секаторову заика-бригадир, Семёныч.– Мы же кирпич наверх подаём.

– Как зовут её, Семёныч,– не опуская головы спросил прораб.

– Ты чё, п-прораб. Это же Галюха, крановщица наша. Уже неделю как работает. Ты-ты... ты же её сам на работу принимал, забыл? Весёлая же...же...

– Галя значит. Да-уж, весёлая. А жизнь-то налаживается, Семёныч.

– Чё?

– Я говорю: тебе с похмелья?

– Ну.

– Пошли ко мне в вагончик – опохмелю.

Месть

Мухин надумал подшутить над своим врагом номер один – тёщей. Для этого он одолжил у приятеля ремень из змеиной кожи. Если посмотреть на этот ремень, сняв с него бляшечку, – змея в чистом виде: цветастая, пёстрая, только плоская.

Мухин снял с ремня бляшечку.

И вот как-то поздним вечером, зная что тёща перед сном захочет опорожниться, Мухин чёрной тенью прошмыгнул в туалет. Там он от сливного бачка отсоединил цепочку для слива, а вместо неё прикрепил тот самый ремень-змею.(Да, бачок был старой системы, он висел под потолком, и от него шла труба к унитазу).

Сделав своё пакостное дело и предвкушая приятное, Мухин нырнул в постель, под крылышко своей благоверной.

Через несколько минут по квартире зашаркали тапки тёщи, они прошаркали в туалет. Ещё через минуту в туалете зажурчала вода и ... наконец-то! дикие крики тёщи переполошили весь дом!

– Змея! Змея в туалете!– не своим голосом орала тёща,– Люди! Помогите!!!

Сбежались все, кто был в квартире: тесть, дети, жена, ну и Мухин конечно прибежал.

С озабоченным лицом, он давал упавшей в обморок тёще нюхать нашатырь. Бледный, он набирал номер скорой помощи. А когда тёща пришла в себя, закрывшись в том самом туалете, Мухин ржал как сивый мерин.

Но на этом история не заканчивается.

За злую шутку,– а она не сомневалась что её совершил любимый зятёк,– тёща решила отомстить той же монетой. Как обычно, в пятницу, Мухину захотелось выпить. В туалете, в сливном бачке на этот случай у него всегда была

заначка – бутылочка беленькой. И вот, как-будто по нужде, Мухин заперся в туалете. Вот он встал на унитаз, сунул руку в сливной бачок и...

Дичайшие крики всполошили весь дом второй раз за неделю:

– Мамочки!!! Кто это сделал?!! Убью!– истерил Мухин.

Его жена, рванув дверь, так что от неё отлетела защёлка, увидела такую картину,– впрочем эту картину увидели и тесть, и дети, ну и конечно обиженная тёща. Итак – Мухин, мокрый, с ошалелыми, выпученными глазами стоял на унитазе и отчаянно тряс рукой, в указательный палец которой намертво вцепился клешнёй огромный, похожимй на Мухина, рак. В отличие от ремня он был живым.

Тёща смеялась громче всех. В открытую.

Вот теперь история закончилась.

Кстати, после этих двух шуток отношения Мухина с тёщей стали ровными-ровными, гладкими-гладкими, и я бы даже сказал – тёплыми.

Тост, произнесённый шёпотом

– Тс-с, мужики! Вот женщины, что они говорят? А они говорят: Раз ты мужик, значит, обязан быть рыцарем. Хорошо, я согласен. Я согласен быть рыцарем, но, смотря чего. Поясню, объясню. Сейчас вам всё будет понятно.

Раньше какие были рыцари? Ну, в феодальные времена? Рыцари круглого стола – раз, рыцари квадратного стола – два, рыцари журнального столика...Да, короче, в те времена рыцарей какой только мебели не было. А в наши времена? Ладно, хотят женщины, чтобы мы(мужики) были рыцарями – мы согласны, по крайней мере я согласен. Но рыцарем какой мебели мне быть, тут уж позвольте мне выбрать самому.

Я тут вычитал одну ужасную историю тех самых феодальных времён и от неё на меня таким холодом повеяло – бр-р-р! Слушайте – поучительная история.

Значит. Встретились как-то рыцарь круглого стола с рыцарем квадратного стола, а потом к ним присоединился ещё рыцарь журнального столика. Съехались они, эти рыцари мебельные и ка-ак нажрались. Еле-еле добрались до своих замков. А дома, за то, что они припёрлись пьяными в дрова их ... убили. И никто-нибудь, а собственные жёны.

Как? Да как-будто сговорились.

Жена рыцаря круглого стола схватила своего благоверного за железный его ворот и ка-ак жахнет его мордой об дубовый круглый стол. Насмерть! Жена рыцаря квадратного стола тоже своего мордой, соотвествено об квадратный дубовый стол. Насмерть! А жена рыцаря журнального столика вообще отчебучила: ка-ак даст бедолаге дубовым журнальным столиком по башке, у того аж забрало заклинило. На утро с кузнецом кое-как раскрыли, а толку-то. Насмерть!

Мужики, я к чему эту дикую историю кратко рассказал. Тс-с! Женщины – они с феодальных времён как были

извергинями так ими и остались по сей день. Вы согласны со мной, мужики? Сделаем выводы. Хорошо, мы будем рыцарями, но только какой-нибудь мягкой мебели – кресла там скажем, или вообще... пуфика. Вобщем, мужики, моё дело предупредить. Лично я себя отныне считаю рыцарем пуховой подушки. Маленькой.

А теперь тост, только ничего если я произнесу его шёпотом. За нас, за мужиков! За мужиков-рыцарей! А уж чего – решайте сами. Тс-с!

Тосты гор

***

Один непутёвый юноша злоупотреблял алкоголем и в результате стал алкоголиком. Однажды, отец юноши не выдержал и позвал доктора для того, чтобы тот вылечил его сына. Доктор осмотрел хилого юношу и так сказал ему:

– Если ты, юноша, не прекратишь не правильно пить вино, то, в скором времени, я зашью тебе в задницу торпеду.

Внутренне усмехнулся на эти слова юноша-алкоголик. Он решил уехать из родного аула подальше от строгого отца и очень сильного доктора и уже где-нибудь в другом месте жительства продолжить свою непутёвую жизнь.

Но не успел юноша реализовать свой замысел, потому что на следующий день, после разговора с доктором, он получил повестку из военкомата. И попал он в армию. и определили его служить в военно-морской флот, на атомную подводную лодку. И вот там, в этой самой атомной подводной лодке юноша-алкоголик в-первые в жизни увидел торпеду. Увидел и потерял сознание на три дня.

А когда он очнулся, то вспомнил доктора и представил, что может произойти по возвращении из армии. Кстати, по древней, незыблемой традиции этого аула юноша, демобилизовавшись, несмотря на все свои планы, обязательно должен заехать в родной аул и прожить в нём не менее месяца. Короче – завязал юноша с не правильным питьём вина, а потому стал – джигитом!

Так выпьем же за (необходимую в некоторых случаях) шоковую терапию и вообще – за медицину! Вах!!!

***

Как-то один джигит отправился в горы охотиться на горных козлов и встретил там альпинистов.

Альпинисты всё лезли и лезли по отвесной скале, а джигит смотрел на них сверху вниз и думал «Зачем этим людям верёвки? Ведь они только путаются в этих верёвках.» Вытащил джигит кинжал и освободил альпинистов от ненужных верёвок, думая что делает доброе дело. Альпинисты горохом посыпались вниз, но не один из них не разбился насмерть.

Есть ещё глупые джигиты, но на каждого глупого джигита существует умный изобретатель.

Так выпьем же за изобретателя парашюта, которыми и были снабжены предусмотрительные альпинисты! Вах!!!

***

Один молодой джигит спросил старого аксакала:

– Дедушка, благодаря чему ты прожил сто один год и до сих пор чувствуешь себя великолепно?

На это старый аксакал так ответил молодому джигиту:

– Мой мальчик. Всю жизнь я скакал: утром скакал, вечером скакал, перед сном скакал. И вот теперь, как видишь, скачу. И пока я скачу, я буду жить ещё долго и буду чувствовать себя великолепно. А как только я прекращу эти занятия – я начну чахнуть и умру.

– Вах! – восхищённо воскликнул молодой джигит, вполне удовлетворённый ответом дедушки.

Так выпьем же за спорт, а именно – за лёгкую атлетику. А почему? А потому что старый аксакал всю жизнь скакал ... через скакалку.Вах!

***

Один крутой джигит наехал на другого крутого джигита. Тот, что наехал, был на джипе, а тот, на которого наехали, был на мерседесе. А дело было в горах: тот джигит, который наехал, ехал сверху вниз, а тот, на которого наехали, соответственно ехал снизу вверх. В общем, получилось

дорожно-транспортное происшествие – машины всмятку, джигитам вечная память.

А не произошло бы этого печального ДТП, если бы в тех горах существовало двустороннее движение. Ведь гладкая широкая дорога гораздо лучше каменистого узкого серпантина.

Так выпьем же за женщин! За женщин-асфальтоукладчиц! Они делают доброе, полезное дело – дороги! Вах!!!

***

Один юноша, чабан, нашёл в горах огромный чемодан с деньгами. Но была холодная ночь и не было дров у чабана. И тут вспомнил он американский фильм девяностых годов прошлого века со Сильвестором Сталлоне , который (может помните?) в горах жёг деньги, чтобы согреться. И вот, вспомнив этот фильм, чабан взял да и разжёг деньгами костёр! Всю ночь жёг – пастух, блин. Сам нагрелся, баранов своих нагрел, и ещё кое-каких господ крутых, которые утром на вертолёте за потерянным чемоданом с деньгами вернулись. Сейчас минута молчания... Всё – хватит.

Так выпьем же за отечественный кинематограф, который не снимает всякую ерунду. Вах!!!

***

Один мальчик, горец, постоянно прятался в горах: от родителей, от учителей, в основном от учителей, потому что не хотел учиться. И до того он допрятался, что потерялся. Потерялся и одичал.

Вот он вырос, шерстью оброс и почти что забыл человеческий язык. Но однажды, неожиданно, он набрёл на тропинку к родному аулу. А из человеческого языка он помнил только два слова – «Эй» и Ты». Вот он встретил местную ребятню. «Эйты»,– сказал он им, ну, не совсем так сказал, а

вот так – коряво: – «Йети». Дети напугали незнакомца и тот убежал обратно в горы. А имя Йети так и прилипло к нему.

Долго ещё Йети лазил по горам. Но потом приехали учёные, телевидение. Прославился Йети и спустился с гор. Вспомнил человеческий язык, в школу пошёл – доучиваться.

Так выпьем же за образование, которое позволило этому волосатому джигиту в дальнейшем открыть свою фирму и построить завод по изготовлению волосатых игрушек. Вах!!!

***

Одна девочка была страшной как коза. Особенно ноздри у неё были страшно– огромными. И была кличка у этой девочки обидная – Козья ноздря. Росла эта девочка, выросла, замуж захотела. Но никто её замуж не брал, сами понимаете – мало того, что страшная так ещё и бедная.

Чтобы разбогатеть, попыталась, эта теперь уже страшная девушка, ограбить банк, но не получилось.Посадили её.

Прошли годы и вот наша Козья ноздря вернулась с мест лишения свободы в свой родной аул. Вернулась матёрой страшной женщиной – эксзэчкой. И стали к ней люди со всех гор ходить – кто за советом, кто – за помощью. И все с деньгами. И стала страшная женщина очень богатой страшной невестой. И женихи к ней как мухи на мёд стали слетаться. И вышла страшная женщина замуж за красивого парня. А величали теперь её все со страхом и почтением – КОза нОздра!

Так выпьем же за мудрую международную поговорку – «Человек сам себя делает»! И ещё за одну – «С лица воду не пить»! Вах!!!

Голливудская улыбка

В троллейбусе полно народу, все одинаковы: хмуры, озабоченны своими проблемами. Выделяется один мужчина средних лет, он стоит в проходе, держится рукой за поручни, никого не трогает, но при этом всем широко улыбается голливудской улыбкой. Людей это начинает раздражать.

Сидящая толстая тётка с сумками:

– Ишь скалится, прямо не по себе. Я его, главное, сумкой толкнула, а он скалится, то-есть как бы даже рад... надо было посильнее толкнуть.

Сидящая бабулька:

– Чего лыбишься, болезный? Жил бы на одну пенсию, не лыбился бы так.

Сидящий дедулька:

– Рыдал бы...сволочь...

Стоящий молодой человек:

– Ну, зачем вы так. Может человек не местный. По инглиш ес, мужик? Мужик, сорри, но здесь, в России не надо всё время улыбаться. Ес?... Люди, а американец-то глухой, кажись.

Сидящий пьяный мужик:

– Американец? Где? Эй, янки! На следующей остановке выйдем, у меня к тебе будет пару политических вопросов.

Сидящая толстая тётка с сумками:

– Слышь, ты, глухня американская! Пасть закрой, а ухи открой! Люди к тебе обращаются, моргни хоть что-ли в ответ.

Пол-троллейбуса ржёт.

Стоящая молодая женщина:

– Да никакой он не американец. Зубы просто хорошо почистил, вот и демонстрирует их нам. Мужчина, мы одобряем вашу зубную пасту, можете закрыть рот.

И тут мужчина с голливудской улыбкой не выдерживает, он открывает рот и на весь троллейбус:

– Люди!!!Да я из стоматологии еду!!! Мне зубы по-новой технологии вклеили, велели сжать челюсти и держать их так два часа. Ещё часа не прошло! Звери!

Ловушка старушки

Кабинет полиции. Задержаный даёт показания полицейскому.

– Всё началось с Игорька....Знакомец мой... Дал ему денег , говорю, – Купи водки, колбасы, хлеба.

– Лады,– говорит тот и фьють, умотал. Жду. Ни Игорька,ни водки, ни колбасы, ни хлеба, ни денег. Хотя, хлеб принесли – соседка, бабулька, занесла булку чёрного. Говорит:

– Дружок ваш велел передать.

Это, чтоб я, значит, с голоду не сдох.

Я не сдох. Я подавился, потому что в сухомятку хлеб ел. Очнулся в больнице. Надо мной врач склонился – клён, мать его, опавший.

– Я,-говорит,– ваш лечащий врач. Я буду вас лечить.

Я говорю:

– Чем?

Он:

– Исключительно клизмой последнего размера.

Я говорю:

– А как насчёт таблеток?

Он говорит:

– Давай денег, сгоняю.

Дал ему денег. Жду. Ни врача, ни таблеток, ни денег. Зато соседка, бабулька,– она оказывается в этой больнице медсе-

строй работает... работала... вдруг появляется передо мной и стоит, как сухой лист перед травой, и клизму наперевес держит последнего размера – какую лечащий врач обещал. А его самого я так больше и не видел. Увижу....

Выписался, женщину встретил. Говорю ей:

– Пойдём ко мне.

Пришли. Говорю ей:

– Может делом займёмся?

Она:

– Ага. Давай денег.

Я дал. Она в душ. Жду. Ни прости..., ни денег, ни лейки от душа. И тут соседка постучалась, бабулька, лейку от моего душа принесла. Говорит:

– Вот, под дверью вашей нашла – никак выронил.

Ну, я ей этой лейкой и дал по башке – нервы не выдержали. Убил наверное...отыгрался псих– идиот на божьем одуванчике...

– Да-а, гражданин. Я вижу, у вас нервишки, действительно, подкачали. Хотя есть из за чего. Бабульку, соседку, вы не убили, слава Богу. Да и она к вам претензий не имеет, но извиниться перед ней вам придётся.

– Согласен извиниться , товарищ полицейский. Я могу идти?

– Конечно можете. У нас же не тюрьма, всего лишь полицейский участок. Да...Чтобы совсем бабулька к вам претензий не имела надо бы как-то материально ей возместить ущерб за, так сказать, физические и моральные страдания.

– Согласен возместить. А как вы думаете – сколько ей хватит?

– Сколько? А вот про это она сама вам скажет. Заходи, бабушка, заходи! Что ты стучишься, прям как не родная?

Голова-то как? Зашивали и сотрясение есть..У-у-у! Ну, садись рядом со мной, со своим внуком.

Сейчас мы объясним молодому человеку – сколько он нам должен.

– Вам?... Так что же это получается? Игорёк – бабулька, врач – бабулька, женщина – бабулька. И вот теперь вы – полицейский, внук бабульки? Так получается то, что со мной произошло – это хитроумный, преступный замысел? Чтобы я заплатил вам всем – всей банде?! Получается я попал в ловушку? А кто у вас главный?

– Попал. На деньги ты попал. Бабушка, ты как генератор идей, скажи молодому человеку – сколько.

Хочу – не могу

Улица. Летняя ночь. Темень. Полицейский освещает фонарём спешащего мужика.

– Мужик, стой! Стоять, я сказал!

– Ну чего тебе?

– Как это чего? Я полицейский как-никак.

– Поздравляю. Пока.

– Что значит – пока. Стоять, я говорю!

– Товарищ полицейский, да я в туалет хочу, ну прямо хочу – не могу, прижало, по-большому. Я побегу, а, товарищ полковник?

– Ну ты мне на счёт звания не дави – мне и сержанта хватает. А в туалет-то вон в тот побежишь, в общественный? Который без окон, без дверей и без крыши? Который кусты называется?

– Ну в тот. А что делать, если хочу – не могу, если прижало. Ну я побежал?

– Стой, говорю! А стопа этих книг зачем тебе?

– Как это зачем? Читать буду. Там, в «общественном туалете».

– Так темно же, ночь. Как читать будешь?

– А... у меня фонарик есть. Пока!

– Тпру-у-у! И у меня, как видишь, фонарь есть. Я верёвочку-то развяжу. Что тут у нас? Ага. Библия. Восемнадцатый век. Читать? Там? Библию?

– Читать. Ей богу!

– Ладно. А это что у нас? Коран. Семнадцатый век. Тоже читать? Там? На татарском?

– Якши, рахмат, секир башка. Я понимай татарский. Я вообще – полиглот,

товарищ сержант. Ну, я рванул, а то меня сейчас рванёт.

– Стоять! А это что? Опять библия. На старославянском.

– Азм есть... Я и старославянский знаю. Но отпустите меня уже. Я уже совсем хочу – не могу!

– Потерпишь. О! Опять Коран. На арабском, век не указан. А это ...Кама-сутра! Книга-то новьё!

– На индийском хоть?

– А зачем тебе на индийском? Ах да, ты же полиглот. Нет, на русском. И её читать там, в кустах будешь?

– Не, эту не буду. В кустах.

– Оп-паньки! Российский уголовный кодекс! А вот его тебе непременно почитать надо.

– ...Да я его наизусть знаю...

– С тобой всё ясно. В потёмках что-ли квартирку обворовывал? В этом квартале уже второй час как электричество отключено – авария, понимаешь. А ну, где твой фонарик, показывай? Включи.

– Не горит.

– Тогда колись. Всё равно я тебя задержу и всё окончательно выяснится.

– ...Твоя взяла, сержант...Две последние книги в потёмках, наугад хватанул. Квартиру профессора одного вскрыл, только начал работать, а тут свет вырубили, а в фонарике моём батарейки, гадство, как специально, сели . Знать и мне опять придётся сесть...Слушай, начальник, а я ведь и вправду в туалет по-большому хочу.Очень.

– Ну, пойдём, Хочу-не могу. У нас в обезъянике параша есть, не бог весть что, но всё равно получше чем кусты. Первый-первый, я второй...Руки сюда!

– Начальник! А почитать-то дашь что-нибудь?!

Свои методы

Одним поздним вечером в одной тёмной подворотне одному мужику дорогу преградили двое.

– Мужик, гони деньги,– потребовали они.

– Нет их у меня,– виновато развёл руки мужик.– Отобрали все только что.

– Тогда мы тебя бить будем, просто так, без денег.

– Да уже избили меня,– шмыгнул носом мужик.– В этой подворотне и избили минуту назад. Двое их было, один прихрамывал, другой болтун.

– Понятно. Это Одноногий и Говорун.

– Ишь, сволочи, наших «клиентов» оприходывают. Что им своих подворотней мало?

– Ага, и били, главное, профессионально – без следов. И денег отобрали мно-о-ого.

Бандиты сглотнули слюну.

– Ладно. С завтрашнего дня, тьфу, вечера в этой подворотне никто тебя не тронет, кроме нас конечно.Разберёмся мы с этими...говорунами одноногими. Мы люди деловые и своё слово держим. Понял?

– Понял,– ответил мужик и пошёл дальше. Последовал он в другую тёмную подворотню. И там ему дорогу преградили опять двое. Один прихрамывал.

– Мужик, гони деньги.

– А то мы сами возьмём. Гони, не жадничай. Чё молчишь? Язык от страха проглотил? А ну не молчи...

– Тпру-у-у! Были у меня деньги. Бо-о-ольшие! Их только что у меня отобрали. И избили меня только что,– доложил мужик.– В вашей подворотне, кстати. Профессионально бьют гады – без следов. Двое их было, деловые такие.

– Так это братья по фамилии Деловые.

– Что им своих подворотней мало? Да мы их порвём-распишем, мы их....

– Ладно, мужик, разберёмся мы с ними,– пообещали бандиты.– С завтрашнего дня...

– Знаю-знаю. Никто кроме вас меня не тронет...

На утро в городе оказалось четверо тяжело травмированных. Бандиты: Одноногий, Говорун и братья Деловые так покалечили друг друга,что на долго выбыли из бандитского строя.

А мужик поздними вечерами продолжал «посещать» тёмные подворотни города.

У мужика – капитана полиции Лисичкина, кроме положенных им по службе, были ещё и свои методы борьбы с преступностью.

Трусы отдать?

(Сценка в привокзальном туалете)

– Бабуль, пусти на секундочку. Мне по-быстрому.

– Читать умеешь? Плата за вход – двадцать рублей.

– Бабуль, да ты войди в моё положение. Я тут к старикам своим приезжал – поиздержался. Еле-еле на обратный билет наскрёб, ни гроша не осталось. А в электричке три часа ещё трястись. Пусти, а?

– Двадцать рублей.

– Да что ты заладила, как попугай...чиха. Ой, подпирает -ой-ой-ой! Я же не виноват, что со мной такая оказия приключилась.

– И я не виновата. Двадцать рублей.

– Тьфу! Человек ты или нет? Скоро уже мою посадку объявят...Ну, возьми мою рубаху что-ли?

– Рубаха твоя – дрянь, а вот джинсики на тебе ничего, моему внучку впору будут.

– Да как же я без джинсиков, бабуль, они у меня в данное время одни. Ой, сейчас мочевой лопнет!

– Сумкой прикроешься, на дворе лето. Чего страшного-то, милок?

– Всё, бабка! Как говорят нынче – пипец.

– Чёрт с тобой...иди уж.

– Да мне не надо уж.

– Как? А что это ты делаешь?

– Джинсики снимаю, ни к чему они мне теперь такие – мокрые. На – своему внучку. Трусы отдать?

Каменный цветок Тришкина

Богатый человек – Тришкин на досуге прочитал сказку Бажова про каменный цветок, ну и зацепила она его.

«Хочу, чтобы перед моим домом каменный цветок стоял!» – загорелся Тришкин. Он подбежал к окну, за которым робко блестело майское солнышко и мощно фонтанировал голубой кит помпезного исполнения: «Как раз вот тут, возле фонтана!»

Тут же Тришкин отдал приказ своим амбалам – разыскать человека, который смог бы осуществить его прихоть. И такой человек был найден. Это был местный скульптор абстракционист-натуралист-пофигист без имени, отчества и фамилии, все его звали просто – Мастер.

Тришкин встретил Мастера как родного: обнял его за плечи, усадил за стол, а на столе ой как было что выпить и чем закусить.

Выяснив заранее то, что Мастер пьёт всё подряд, но только стаканами, Тришкин сходу поднёс тому полный стакан «Абсолюта», и терпеливо дождавшись пока тот допьёт и дожуёт ломтик ананаса, спросил:

– Скажи-ка, Мастер. А сможешь ли ты из камня цветок мне сварганить?

Мастер грустно заглянул в пустой стакан, почесал не бритый подбородок и сказал:

– Смогу. Вам большой или так, к пиджаку прицепить?

– Огромный! – Тришкин взмахнул руками так словно собирался взлететь.– Он будет стоять прямо под окнами моего трёхэтажного дома, возле фонтана.

Мастер опять почесал подбородок.

Снова забулькала водка. Мастер хлопнул второй стакан (на этот раз ни чего не стал кушать) и сказал:

– Хорошо – выдолблю и такой. С вас гранит цельный размером с цветок, то-есть кусок должен быть огромным, аванс сто баксов, ну и название цветка.

Тришкин обрадовался как ребёнок. Он отстегнул сто баксов, и тут же задумался:

– Название цветка… название… Знаешь что, Мастер, а ты на меня погляди.

– Ну,– Мастер качнулся вместе со стулом.

Тришкин наполнил третий стакан. Мастер выпил.

– Я сильный?!

– Допустим.

– Меня конкуренты боятся?!

– По-видимому.

– Мастер, я богат, суров, ко мне лучше не лезть! И в то же время я – красивый. Вот я какой! Значит и цветок должен быть мне под стать.

– Ага,– Мастер сощурился.– Кажется я знаю, что вас устроит. Значит так, с вас огромный цельный гранит и арматуры сто метров. Как только будет материал – будет вам цветок.

– Завтра же всё будет доставлено.

– Окей!– Мастер козырнул.– Да, и фонтан выключите.– Он удалился, выпив на посошок четвёртый стакан водки.

На следующий день под окнами роскошного дома Тришкина был установлен огромный кусок гранита, рядом была свалена арматура. Явился и Мастер. Работа закипела.

Тришкин от стука кувалдой, визга перфаратора и «болгарки» чуть с ума не сошёл, поэтому на пару неделек умотал на Канары. Вернулся загорелый, в настроении и сразу к фонтану, к камню.

Камень был накрыт белым брезентом. Рядом, облокотившись на своё творение, со счастливым лицом стоял Мастер.

– Неужели готово? – недоверчиво поинтересовался Тришкин.

– Так точно!– взял под козырёк Мастер и дёрнул что есть силы за брезент.– Вуаля!

У Тришкина отвисла челюсть. Зафантанировал голубой кит.

– Как вы и хотели! – Мастер весь сиял.– Огромный, грозный, устрашающий всех и вся и в то же время красивый... кактус!!!

Люк

Ранним летним утром по одной из дорог города N ехал-тужился перегружённый металлическим ломом грузовик. Вдруг грузовик наехал на колдобину и его тряхнуло, да так, что из кучи металлалома вывалилась железяка – чугунный люк от канализационного колодца. Прокатившись по дороге некоторое расстояние, люк, с дребезжанием, лёг дном на асфальт.

Водитель не заметил пропажи, люк остался лежать на дороге, и теперь создавалось впечатление, будто под ним находится и в самом деле канализационный колодец.

Часом позже вышеупомянутую дорогу переходил начальник конторы, которая обслуживала все колодцы в городе N. Начальник обратил внимание на люк: остановился, почесал лысый затылок, что-то вспомнил, и когда пришёл на работу, в контору, издал приказ: немедленно провести профилактические работы в канализационном колодце, координаты которого такие-то и такие-то.

Для проведения профилактики были направлены слесаря Иванов и Петров.

Перед тем как приступить к выполнению задания Иванов и Петров, естественно, выпили.

Затем они добрались до «колодца», выставили, как и положено, ограждение, повесили необходимый знак и наконец открыли люк... Под люком был асфальт. Тут Иванов и Петров поняли, что выпили слишком много, поэтому, на всякий случай, они не стали проводить профилактику. Они аккуратненько положили люк на место – как он лежал и, вернувшись в контору, доложили: дело сделано – трубы в колодце прочищены, задвижки смазаны, люк, после проведённых работ закрыт, ограждение с необходимым знаком убраны.

На следующий день начальник той самой конторы, человек дотошный, узнав кто выполнял его приказ, узнав в каком состоянии Иванов и Петров собирались выполнить его приказ, решил проверить «колодец» лично. Вооружившись фомкой, он отправился на ту самую дорогу.

И вот он подковырнул люк.... под ним был асфальт...

В этот же день начальник конторы, которая обслуживала все колодцы в городе N человек справедливый, издал новый приказ. Привожу его дословно: «За добросовестное отношение к порученной работе, поощрить слесарей Иванова А.И. и Петрова И.А. денежной премией в размере месячного оклада.»

Тут же люк так присобачили к асфальту – благо местные бомжи не успели расчухать и сдать его в пункт приёма металла, что сорвать его можно было только бульдозером.

Нонсенс

Большой начальник Константин Захарович Громыхайло,– тучный, задыхающийся человек,– демонстративно разорвал газету и закричал возмущённо:

– Ишь, сволочь, и меня упомянул! Да я на этого журналюгу в суд подам! Он у меня попляшет!– мясистый кулак большого начальника, сверкнув перстнем, с грохотом опустился на крышку лакированного стола.

Напротив Громыхайло сидел его зам – плешивый горбун Партфелий Партфельевич Земляносов. Подождав пока его благодетель выпустит пар, Земляносов кашлянул и тихо сказал, глядя в пол:

– Ну, в основном-то досталось мне. Ох. досталось, Константин Захарович.

– А ты не бойся, я тебя в обиду не дам. Не сниму я тебя с замов, мало ли чего этот журналюга хочет. Не сниму. А знаешь почему?

– Почему? – переспросил Земляносов, вскинув головку так, как вскидывает свою мордочку собачка, прореагировав на голос хозяина, который оную зовёт кушать. Осталось только хвостиком замахать.

Глаза Громыхайло затянула слезливая пелена:

– Потому что ты человек – хороший.

– От, спасибо за доброе слово, от спасибо,– зашмыгал растроганный Земляносов.

– Только что же ты, Партфелий, с взятками-то? Делиться надо.

– Так я же делюсь с вами.

– С журналюгами делиться надо! Да ну тебя,– Громыхайло махнул на Земляносова рукой,– мол, пропащий ты, не исправишь. Затем он нашарил в кармане сигареты. Его зам тут же поднёс зажжённую зажигалку. Громыхайло неторопливо подкурил.

– Знаете, что самое обидное, Константин Захарович?– тут Земляносов перешёл ша шёпот.– В подхалимстве меня обвиняет автор, в угодничестве. Мол, я для вас на всё готов. Мол, все ваши прихоти выполняю. Гад.

Громыхайло хитро прищурился, пальцем поманив Земляносова. Тот приподнял зад и вытянул шею. Большой начальник прохрипел:

– Но мы-то с тобой знаем, что это клевета. А за клевету... Нет, я не в суд пойду, в таких делах у меня есть свои методы воздействия.

Земляносов понятливо хохотнул, но тут же прикусил язык.

Неожиданно Громыхайло стал разбирать смех:

– Все мои прихоти выполняешь? Это просто нонсенс! Все мои прихоти выполнить невозможно! Вот к примеру: я, Партфелий, давно хочу с инопланетянином пообщаться. Так где ты его мне возьмёшь? Ну, журналюга! Ну, насмешил!

Громыхайло захохотал – басисто, раскатисто. Захихикал и Партфелий – противно-тонко.

Насмеявшись вдоволь, Громыхайло обмяк и прикрыл веки:

– Ладно – иди, Партфелий. Устал я сегодня.

– До свидания, Константин Захарович.

– Ага, а я вздремну малость.

Большой начальник захрапел, развалившись в огромном, удобном для таких случаев кресле. Земляносов, не дыша, поднялся с другого кресла, гораздо меньше (для посетителей). Затем он вытащил из-за пазухи, связанного по рукам и ногам зелёного человечка, еле живого, посадил его вместо себя и бесшумно вышел.

Зелёный человечек, покорившийся насилию, с кляпом во рту, затравленно глазел на храпевшего большого начальника.

Эти глаза напротив

А я люблю ходить по чиновникам, душевные они люди. Хожу, естественно, по делу. А бывает что и по делу, да только тьфу на него – на дело, мне на чиновника посмотреть страсть как интересно. Вот смотрю я на него, а он смотрит на меня, или она.

Она смотрит с сердинкой в глазу и говорит:

– Вам чего?

Я говорю:

– Мне бы кредит, без процентов, для бизнесу.

Она:

– Вы фермер?

– Не,– говорю,– я рэпер. Иногда. В смысле рэпу выращиваю. А если серьёзно – мне журнальчик свой организовать охота.

И тут взгляд её меняется, добреет.

– Вы знаете,– говорит она интригующе,– мы на корову можем дать. И даже хотим дать. У нас программа: надо срочно раздать много денег на коров. Вот вы в частном доме живёте?

– В однушке,– говорю.– Правда там одна корова уже проживает – тёща.

– И жена там же?

– И ребёнок пятигодовалый.

– Так вас всего ничего в целой однушке!– воодушевляется она.– Возьмите, гражданин, на корову, на настоящую. Вы только нам справку потом принесите, что корову купили. Настоящую. У вас балкон есть?

– Ну.

– Не ну, а му! У вас же все условия для коровы!

– Настоящей?

– Ещё какой настоящей!

– А как же сосед снизу? Он коровьей мочи не очень любит. Очень не очень. Он даже детской мочи не любит.

– О! А вы клеёнок-пелёнок постелите. У вас от ребёнка остались?

– О! Кстати! А если его, то-есть моего пятигодовалого ребёнка в садик определить, а? Поможете? А то ему уже в школу скоро идти, а он ещё в садике не был, очередь не подошла.

– Не-е-е, насчёт садика трудновато будет. Да и дороговато для вас,– виновато краснеет чиновница.

– Тогда жену мою на работу устройте, а? На хорошее место. Тёща одна справится и с ребёнком и с коровой. А?

– Не-е-е, хорошие места все заняты.

– Да-а,– вздыхаю.– Трудно вам будет на коров людям деньги раздать.

Встаю, чтобы уйти,а она смотрит всё ещё с надеждой. Закрывая за собой дверь, оборачиваюсь, а у неё слеза на щеке.

Ох, люблю я ходить по чиновникам, душевные они люди, добрые как...Кстати, ума не приложу, что мне делать с этой коровой, всю ночь на балконе мычала...

Настроение

Сел сочинять смешной рассказ, не сочиняется, настроение не то, не смешное. По телевизору Чаплина показывают, за окном мужик матерится – нога в трамвайной рельсе застряла, а мне не смешно. Тут кот залез на стол, монитор обнюхивает, «мышку» давай лапками двигать, сам мокрый весь, только что из аквариума. Поглядел на него – не смешно. Изо рта хвост гурами торчит, глаза дикие – всё равно не смешно.

Прислушался к стене, за ней сосед ржёт. «Не удивительно,– думаю.– Этот только что из психушки вернулся, его понять можно, он – не долеченный, ему всегда смешно.»

В телевизоре Чаплина Петросян сменил, за окном трамвай прозвенел, мужик взвизгнул...нет, он ногу освободить успел, но так на тротуар выскочил, что велосипедиста сбил. Короче: взвизгнули оба, а мне не смешно. А рассказ-то писать надо, редактор просил, чтобы, значит, и ему смешно было и читателям. Ему – в первую очередь. Вспомнил облик редактора: лысый, толстый, заикается, тиком страдает. Нет, не смешно. Тут в дверь позвонили – почтальонша пришла. Еле на ногах стоит, курит, перевод принесла за прошлый рассказ. Посмотрел на цифру....Оно, конечно, можно было бы так рассмеяться, что со смеху помрёшь, но не стал. Загрустил ещё больше. Почтальонша водички попросила холодненькой. Налил кипяток. Выпила залпом. Не рассмешила. Попросила ещё водички. Принёс, а она спит у порога в слюнях. Тут жена вернулась с работы. Тут почтальонша очухалась и попросила водички у жены. Я чувствую, настроение у меня поднимается. Одна орёт, другая пьёт прямо из чайника. Повеселел я. «Не буду,- думаю,– им мешать.» И в комнату, к компьютеру. Брысь!!!

Страшный сон

Житель города Симепупинска – Тпрушкин что-то прибивал дома и, как это бывает, проглотил гвоздик. В животе резануло:

– Всё – помираю,– схватившись за живот, определил своё состояние Тпрушкин.

Его жена тут же вызвала «скорую».

«Скорая» приехала. Всю дорогу, держась за живот, Тпрушкин долбил одно и тоже:

– Всё – помираю, помираю я, жёнушка.

Жена как могла успокаивала мужа.

Наконец того привезли в единственную в городе Симепупинске больницу и положили на операционный стол. Да, перед этим ему, конечно, сделали ренген – баба Шура сделала. Елозя пол шваброй она ткнула нечайно другим концом Тпрушкина в живот, стонущего на стуле в предбаннике больницы. На что тот заорал:

– Ты что,старая делаешь?! У меня же в животе гвоздь!

Так был сделан ренген и Тпрушкин оказался на операционном столе.

Лёжа на больничном одре, Тпрушкин повторял одно и тоже:

– Всё – помираю, помираю я -всё.

Из-за боли он не замечал ничего и никого, но вдруг дали сильный свет. От неожиданности Тпрушкин зажмурился. Через некоторое время, открыв глаза, он снова хотел было ныть про своё, но слова застряли у него в горле. Он даже забыл о рези в животе, он пребывал в шоке. А всё потому что увидел операционную больницы во всём её «блеске».

Первое, что бросилось ему в глаза – это рампа, которая горела прямо над ним. Она была без защитных стёкол то есть лампочки торчали в голом виде. Выше, над рампой нависал облупленный потолок, в каких-то разводах

непонятного происхождения. Затем Тпрушкин перевёл взгляд на обшарпанные стены, облепленные антисанитарной плесенью. Затем он увидел гнилой умывальник с капающей из ржавого крана водой, и наконец его внимание привлекли инструменты – их раскладывала перед его носом та самая баба Шура.

Итак – инструменты!

Молоток, ножовка по металлу, долото, и наконец двуручная пила «Дружба»– всё это зловеще, «сверкало» ржавчиной. Особого внимания заслуживал молоток, на его ручке было написано красной краской – НАРКОЗ.

– Мама!– пискнул Тпрушкин.

Тут в операционную вошёл изрядно шатающийся мужик в забрызганном кровью халате. Мужик закурил беламорину и с улыбкой извращенца-паталагаонатома склонился над Тпрушкином.

– Ну что, жить будем, али как?– пробасил коновал.

– Будем,– мяукнул Тпрушкин и покраснел, ему сильно захотелось в туалет по-большому.

– Баба Шура!– поняв что к чему, рявкнул изрядно шатающийся мужик. И приказал: – Больному – «утку», мне – спирта.

Через пару минут этот самый (совсем уже изрядно шатающийся) мужик вышел к жене Тпрушкина.

– Жить будет, – спокойно констатировал факт мужик, обдав её смертельным перегаром. Затем он вынул из нагрудного кармана чуть гнутый гвоздик и, показывая его, добавил:

– Только вот проктолога надобно бы ещё посетить -острый, гад.

Житель города Симепупинска – Тпрушкин проснулся, что говориться, в холодном поту. С состраданием на него смотрела жена:

– Ты всю ночь кричал, дорогой.

– Мне приснился страшный сон; будто я проглотил гвоздь и меня привезли в единственную в нашем городе больницу.

– В твою больницу? Какой ужас! В ней же... она же...а персонал...

– Да-да. Вот дачи с мэром достроим и тогда уж...Кстати, надо из больницы инструмент забрать. А у меня действительно побаливает живот, пойду -ка я в туалет.

– А я говорила тебе, не надо было есть острое на ночь– это очень вредно. В конце концов ты сам врач

– Главврач, милая жёнушка, ГЛАВВРАЧ!– уже из туалета кричал Тпрушкин.

До больницы был уверен

(больничные страдания)

***

Привезли меня на «скорой»
и сказали вежливо:
– Дальше сам.
– Что? С переломом?
– А вспомни-ка Маресьева.

***

Я орал в операционной:
– Где наркоз? Наркоз, он где?!
Мне ответили:
– Да вот он.
И дали «уткой» по башке.

***

До больницы был уверен –
хуже нет фашизма.
Убеждён в другом теперь я –
хуже всего клизма.

***

Получил я за два дня
двадцать два укола.
– Что вам – задница моя
подушка для иголок?

***

Во больничной во столовке
отравился я перловкой.
Хохотали повара:
– Под рукой же доктора.

***

«Хорошо» лечиться стало,
мать твою за ногу.
От лекарств до одеяла –
всё тащи из дому.

***

«Выгоняли». Я врачам:
– Не срослась нога,– кричал.
Мне сказали:
– Тихо тут.
Идите-ка на лёгкий труд.

Во-о-о!!!

Ранний летний, погожий вечер, двор, лавочка, на лавочке сидят Виктор и Степан (друзья-соседи). Они культурно отдыхают после трудового дня, в руках у них по пластиковому стаканчику и по кулёчку с клюквой. Бутылка водки стоит под лавочкой.

Степан: А милое это дело – водку клюквой закусывать. Здорово ты, Витёк, придумал – клюкву у бабулек купить. И дёшево и сердито.

Виктор: Ага – оценил! Достаточно одной клюквинки, чтобы закусить полстакана. Наливай.

Степан разливает. Они выпивают, по клюквинке закидывают в рот.

Виктор *(скривив рожу):* Ну как?

Степан: Класс!

Виктор: А ты чё не морщишься?

Степан: Да я могу хоть весь кулёчек в рот закинуть, разжевать и.... глазом не моргнуть.

Виктор: Ха! Ты думаешь я не могу? Могу.

Степан: А давай так и сделаем (разливает). Что? Слабо?

Виктор: Кому? Мне? Поднимем! За...за...за хорошую погоду!

Выпивают, опрокидывают содержимое кулёчков в рот. Вдруг подбегают к ним двое: один с видеокамерой, другой с микрофоном.

С микрофоном: Здорово, мужики! Мы из телепередачи «Одним словом». Может смотрели?

Степан и Виктор отрицательно мотают головами, их рты полны клюквы, но они никак не решаются разжевать её.

С микрофоном: Мужики! Вот я вижу, вы простые труженики, отдыхаете после работы. Так ведь?

Степан и Виктор согласно кивают.

С микрофоном: Мужики! Ответьте одним словом на такой вопрос: как нынче живётся простому труженику в нашей стране? Ну! Одним словом. Как нынче живётся простому труженику в великой России? В стране, где свобода и демократия, где поднимается сельское хозяйство, где набирает обороты в своём развитии промышленность (подмигивает), где растёт зарплата у тружеников (опять подмигивает). Одним словом! Ну!

Степан и Виктор начинают шевелить челюстями. Их лица становятся красными, из их глаз сыплются слёзы, их корёжит... и тут они выдают ответ.

Степан: Бя-я-я-я!!!

Виктор: Бя-я-я-я!!!

Киношники в шоке.

С микрофоном: Спасибо. Вы ответили очень...красноречиво.

Киношники спешно ретируются.

Виктор *(глядя вслед уходящим киношникам):* Не хорошо как-то получилось. Мне хоть нынешняя житуха и не очень по душе, но не до такой же степени.

Степан: Согласен. Может догоним их и по другому ответим ?

Виктор: А ты представляешь, если нас по телевизору покажут: «Бя-я!» (передразнивает себя и Степана). А ну, рванули за ними. Эй! Наумов и Алов! Погодите, мы вам другой ответ дадим!

Степан и Виктор бегут к киношникам. Те, видя бегущих к ним пьяных, не адекватных (по их мнению) мужиков решают, что их хотят избить и ограбить и пускаются на утёк. Эти бегут и эти бегут.

Степан: Остановитесь, мельпомена! Щас мы вам по-другому ответим!

Виктор: Эй, Пырьевы! Стоять! Стрелять буду!

С микрофоном *(оператору):* Брось им камеру. Убьют!

Оператор: Лучше пусть убьют. А ты денег им дай, а то у меня с собой нет. И вообще, ты же вроде каратист.

С микрофоном: А ты боксёр.

Оператор: Тогда чего мы бежим. Давай остановимся и накастыляем этим труженикам.

Киношники останавливаются и принимают бойцовские позы. Степан и Виктор приближаются к ним.

Виктор: Хе! Не понял! Так, узнаю – Ван Дам и Мухамед Али.

Степан: Да хоть два Кости Цзю, я никого не бьзю...

Спустя какое-то время. Квартира Виктора, кухня. За столом Степан и Виктор, выпивают перед включеным телевизором., поднимают рюмки.

Степан: За что пьём?

Виктор: За...О! Гляди нас по телевизору показывают.

По телевизору идёт передача «Одним словом». Показывают лавочку, на которой вальяжно сидят Степан и Виктор.

Виктор: Слышь, держи камеру ровней, подумаешь рука у него сломана. Одноглазый, давай свой вопрос.

Степан: Витёк! Он опять начинает подмигивать... целым глазом.

С микрофоном. Ребята, сейчас я не подмигиваю, сейчас у меня нервный тик ...обострился. В общем, ребята, ответьте одним словом на такой вопрос: Какова нынче житуха на Руси?

Виктор и Степан *(демонстрируют кулаки с поднятыми большими пальцами в верх, хором):* В-о-о!!!!

Передача «Одним словом.» заканчивается. Виктор и Степан встают, чтобы выпить стоя.

Виктор: За нелёгкую работу телевизионщиков!

Степан: Это правильный тост.

Звери-инвалиды

В городке ажиотаж, где-то даже кавардак. В городок приехал наш на колёсах зоопарк. Все работу побрасали, а детей, так раньше срока из детсадиков забрали, и – к воротам. Все – к воротам!

У ворот мы стали – бах! На воротах видим: чугунина – ЗООПАРК «Звери – инвалиды.» Мы на кассу и туда... бедные зверюшки. Вон лиса... бесхвостая, вон кабан – без ушек. Цапли вон без лапок, слон вообще без хобота. Олени , те без рожок. А верблюд без горба. Во-от...

Мы стоим в недоумение: мужья, жёны, дети – все. «Да тут пахнет преступлением!– закричали те и те.» Тут выходит к нам начальник, тихий, смирный старикан. Первые его за шквальник: «Отвечай, скотина нам! Почему кабан без ушек? Где филе у обезьян? Кто здесь бедненьких зверушек жрёт нещадно по частям?!» Нам директор: «Люди! Люди! Зверей мы не калечили. Попали к нам они такими уже увечеными. Брал я их,– сказал стыдливо,– по соображению. Льготное на инвалидов налогооблажение.»

Что ж, поверили ему и пошли мы к клеткам. Чтобы кинуть сахарку мученикам-калекам. Мы кидали сахарок, гоготали дети. Всё ништяк, смутил чуток вагончик номер девять.

В нём лежал довольный тип, упитанный, здоровый. Это был огромный тигр, тигр белобородый. Было всё при тигре том: уши, лапы, хвост, клыки. Бил хвостом он как кнутом, мол, кидайте мяса вы.

Проболтался тут смотритель: «Нравится? Хорош , пузырчик! Ну, а что же вы хотите? Тигр – директора любимчик.»

Тут у всех возник вопрос – а директор так ли прост??

Чёрная в белом

Запевалов подошёл к столу бухгалтера – получать зарплату. Бухгалтер, Зоя Ивановна, средних лет миловидная женщина, как всегда лучезарно улыбаясь, пододвинула указательным пальцем с перламуторовым ногтём пухлый белый конверт.

– Сколько тут?– спросил Запевалов, переводя взгляд с конверта на Зою Ивановну.

– Ваша фиксированная зарплата – сто тысяч,– ответила Зоя Ивановна, не теряя улыбки.

– Значит опять... чёрная, – потеряно вздохнул Запевалов. – Значит опять,– ещё шире улыбнулась бухгалтер.

– Хочу белую!– вдруг резанул Запевалов.– Понимаете – бе -лу -ю! В конце-концов моя зарплата – моя пенсия!

– Хотите белую? Пожалуйста,– Зоя Ивановна раскрыла (почему-то в чёрной обложке) бухгалтерский журнал.– Распишитесь и получите. Только конверт,– она многозначительно посмотрела на Запевалова,– оставьте у меня.

– Ну и отлично!– снова бодро резанул Запевалов, но тут замешкался:-... А белой, её сколько?

– Вы каждый месяц расписываетесь, и не знаете за сколько?

– Да как-то не обращал внимание. Но я подозреваю – что...поменьше.

– Ещё как поменьше...Прожиточный минимум!

-???

– Вам сказать сколько это в рублях?

– Не надо, я знаю сколько прожиточный минимум по России в денежном эквиваленте.

– Так что будете брать: чёрную в белом, или белую чёрном?

И тут кровь прилила к лицу Запевалова:

– А почему?! А почему?!– стал захлёбываться он,– А почему... конверт... такой...такой обычный?! Копеешный?! Могли бы хоть марку приклеить! И вообще, пора выдавать зарплату в дорогих конвертах – первого класса! И чтоб праздничные были! Безобразие!

– А по мне – и так сойдёт. Главное – не то, что снаружи, а то что внутри,– пропела Зоя Ивановна.

Запевалов как-то суетно спрятал конверт в карман пиджака и ушёл, хлопнув дверью.

– Ах как замечательно я сказала: «Что будете брать: чёрную в белом, или белую в чёрном»,– подумала вслух бухгалтер и так улыбнулась. Ну, прямо, солнышко.

«Продукт» нашего времени

Бомж дядя Жора вошёл в кабинет администратора элитного ночного клуба, посетители которого были в основном посетительницами. Сидящий за столом полный господин вопросительно поднял брови «аля Брежнев»:

– Вы ко мне?

Бомж дядя Жора снял с головы подобие шляпы и смело ответил:

– К вам. Я по объявлению. Вам... требуется стриптизёр? Вот он я. Могу приступить к работе прямо сейчас. Согласен на не особо высокий гонорар.

Лицо администратора за несколько секунд сменило тысячу выражений. В конце концов толстый густобровый господин разразился безудержным смехом. Его смех никак не прекращался. Бомж дядя Жора развернулся, чтобы уйти

-Стоять!– вдруг раздался сзади него громогласный приказ администратора.

– Стою,– втянул нечёсаную голову в острые плечи дядя Жора.

– Как звать?

– Жора... дядя,– ответил дядя Жора и, трепеща, повернулся лицом к администратору.

– На сцену!

И бомж дядя Жора вышел на сцену.

Богатые женщины, увидев это «чудо», заржали как умалишённые.

В ответ на них полетел неопределённого цвета плащ. Праздные женщины, морщась, зафыркали, закашляли, кое-кто брезгливо отпрянул.

Вслед за плащом на них свалились, так называемые, рубашка и брюки.

Среди публики началась паника.

Тем временем бомж дядя Жора, оставшись в одних трусах и носках, извивался как мог.

Он был бел и худ: его ноги напоминали две варёные макаронины, его торс был похож на стиральную доску. Никак не подходил дядя Жора на роль стриптизёра элитного женского клуба, но он очень хотел сегодня чего-нибудь скушать, хотя бы те же макароны. Поэтому он откалывал такие эротические пассажы, что некоторые женщины начали благосклонно похихикивать.

И тут на сцене появился тот самый жирный бровастый администратор. Брызгая слюной, он заорал в микрофон:

– Леди! Новинка сезона! Победитель конкурса «Мистер бомж России» – бо-омж...дядя... Жо-о-ора-а!!! Это наш с вами «продукт», леди! «Продукт» нашего времени! Ну! Ну же! Обласкайте этот задрипанный суповой набор овациями!

В момент взлёта глыбообразных носков шквал из возбуждённого визга и грома аплодисментов чуть не смёл дядю Жору со сцены.

Но «Мистер бомж России» выстоял, он выдерживал и не такое.

Камикадзе

Холостяк Николай Николаевич Терпилов любил готовить -было бы из чего и, соотвественно, любил покушать – было бы что. А раз Терпилов любил и первое и второе, то сегодня на ужин он пожарил себе баранью ножку под майонезом, сварил рис с изюмом и тёртой морковью (что-то вроде плова), плюс приготовил по особому рецепту мучную подливу – свою гордость. В добавок, к столу он приобщил голандский сыр(настоящий) и не много «Столичной» (настоящей).

В результате Николай Николаевич прекрасно поужинал. После ужина он посмотрел фильм по телевизору и в добром расположении духа отправился на боковую.

Звонок будильника. Несмотря на ранее утро – семь часов утра – Терпилов отлично выспался. Однако нажав на кнопку будильника, Николай Николаевич ощутил некий дискомфорт в животе. В тот же момент он ясно услышал тиканье, исходящее не от будильника и не от ручных часов, а ... от собственного живота. Да-да, в его животе тикало.

«Интересный номер»,– подумал, заинтригованный Терпилов. Он начал лихорадочно вспоминать вчерашний рацион: ветчина с глазуньей, булочка с маслом– это на завтрак, котлеты по-киевски, картофельное пюре... Тут он понял всю бессмысленность дальнейшего перебора того, что он вчера кушал. Он с уверенностью воскликнул: «Часов я не глотал! И будильника тоже!» В ответ в животе резануло.

Наскоро одевшись и хлебнув из -под крана воды, небритый Терпилов бросился в поликлинику.

К счастью, к терапевту прорваться было не сложно. Могучий исполин-терапевт пощупал живот необычного пациента, послушал... и отошёл к окну. Выпил прямо из графина неразбавленного спирта, холодкуещего на подоконнике и,

уставившись в хмурое осеннее окно протянул: «Мда-а-ааа!» Потом сел за стол и стал заполнять бланки – направления на ренген и к хирургу.

Когда Николаю Николаевичу сделали ренген , женщина – хирург, рассмотрев снимок, выдохнула: «Ой! Щас рожу!» Бедная, она седьмой месяц носила под сердцем ребёнка. Велев пациенту ждать её в кабинете, она пробкой вылетела в коридор. С улыбкой на лице, которая получается только в результате удара кирпичом по голове, легко, не по беременности, она по лестнице умчалась куда-то на верх. Не прошло и минуты, как она вернулась обратно к себе в кабинет, вернулась с криком: «Пациент, идёмте со мной!» Вместе, они уже лифтом поднялись на последний этаж поликлиники Женщина-хирург отворила перед Николаем Николаевичем дверь с табличкой «ПРОФЕССОР ЛЕТУНОВ-УСТРОЙЛОВ А.С.»

Терпилов дрожа, словно осенний лист, и потея, словно свежезаваренный заварник, вошёл в кабинет профессора. Женщина-хируг не стала входить, она тихонько затворила за ним дверь.

Зашторенные окна, светящийся огромный экран с чёрной меткой ренгеновского снимка не предвещали ничего хорошего.

– Подойдите сюда,– произнёс синими губами профессор, замерев словно сфинкс возле огромного экрана.– Что вы видите на снимке?

Николай Николаевич вплотную приблизился к экрану и, показывая пальцем на снимок, сказал голосом робота:

– Что это? Пособие для террористов?

– Нет. Но вы угадали – это бомба с часовым механизмом. И она у вас в желудке.

Операцию делать поздно,– резанул правдой профессор Летунов-Устройлов и почему-то стянул с головы медшапочку.– Поэтому я принял меры.

– Бомба? В моём желудке? Меры! – Терпилов никак не мог усвоить эти слова, вернее их смысл. Вдруг им овладела дикая паника, паника цивилизованного человека заблудившегося в джунглях. Он заметался по кабинету профессора, роняя всё что только можно уронить, вплоть до самого профессора. Он искал выход, а когда наконец нашёл, то дорогу ему преградили трое: двое с автоматами и в масках и один – с ламапасами.

– Смирррно-о!!! – рявкнул с лампасами.

Рядовой запаса Терпилов рефлексивно вытянулся в струнку. Возникла тишина, отчего тиканье бомбы зазвучало с особой отчётливостью.

– Мать-перемать!– сбил фуражку на затылок, повидавший многое на своём веку седой генерал.

Двое в масках с испугу передёрнули затворы.

– Ничего, сынок, потикает, потикает и перестанет,– успокоил старый генерал и кивнул: – В машину его! В кузов!

В-первые, за всю историю существования, лечебная поликлиника номер тринадцать города Начихайска была оцеплена военными. У главного входа, «под парами» стоял эскорт – три полицейских машины с включёнными мигалками и «Уазик» с сапёрами. Между полицией и сапёрами сопел объект сопровождения – «Газон»– самосвал, на половину гружённый опилом. На этот опил и уложили Николая Николаевича.

Взвыли сирены, самосвал с экскортом отправились в путь.

Путь оказался не таким уж и долгим. «Опасный груз» вместе с опилом вывалили посреди какого-то загородного пустыря. Вывалили и дали дёру.

Быть может издали, прячась в каком-нибудь овраге, и наблюдал в бинокль белоголовый генерал за скрюченным человеком, лежащем на жёлтой куче опила, – этого Николай Николаевич Терпилов не знал, да и не хотел знать. Он лежал

на опиле и слушал тиканье бомбы, которая неизвестно как обжилась в его желудке, и которая вот-вот жахнет, разнеся на мелкие клочки носителя. Ему вспомнилось детство, юность, покойные родители, первая любовь. Но почему-то ярче всего в его мозгу всплывали аппетитные картинки бодрого завтрака, сытного обеда, приятно-утомительного ужина. Закапал дождик,

Терпилов заплакал. И тут ка-ак зазвенит – зззззззз!!!!

Семь часов утра, пора идти на завод – слесарничать. Николай Николаевич Терпилов, нажав на кнопку будильника, схватил пузатое тельце, сжал его ненавистно и засунул глубоко под падушку. Туда же он отправил и ручные часы. После, свернувшись калачиком, он долго прислушивался к своей утробе. В животе урчало, даже булькало, но никак не тикало.

«Значит всё это лишь сон? Значит нет во мне бомбы!» – обрадовался Терпилов. Но вскоре приуныл: Значит и ужина не было: бараньей ножки, «Столичной?» А бодрый завтрак? Завтрак...

Завтрак. На завтрак, как обычно, были чай и хлеб.

Автобус. Проходная. Казалось всё пойдёт своим чередом, но случилось нечто.

По дороге к цеху Николая Николаевича скрутило. Слесарь сморщился и схватился за живот, когда он согнулся, то ясно услышал – тик-тик, тик-тик.

Это уже не сон,– понял Терпилов. Скрючившись, он направился к заводской больнице, но потом передумал и свернул к заводоуправлению.

Он решил во что бы то не стало попасть на приём к директору. Именно сейчас. Лишь бы тот находился на месте, а ни где-нибудь в загранкомандировке.

Шесть месяцев Николаю Николаевичу Терпилову и ещё семистам рабочим задерживали зарплату.

Бомж

Январь кругом, но тает снег,
всё к верху дном.
Идёт весёлый человек
и терпит шторм.
Смеётся он и говорит
невнятно сам с собой:
мол, всё болит, душа болит,
идёт – смешной.
Сто лет не мыт, не сыт,
заплыл подбитый глаз.
Подъехав, сморщились менты –
рванул УАЗ.
Он кулачком им в след грозит,
затем в развалку
С достоинством смешным рулит
домой, на свалку.
Египет русский ждёт его,
где пирамид гряда,
они из человечьего,
помягче бы сказать, дерьма.
Там трактора, там вороньё,
и люди там живут.
Весёлый человек идёт
в дерьмовый свой уют.
Жалеть о нём? Скорбеть о нём?
Он мне и вам не гож.
Но – правильно ли мы живём,
когда средь нас есть бомж?
Январь кругом, но тает снег –
всё к верху дном.
Идёт весёлый человек
и терпит шторм.

Самолёт лежит на свалке

Самолёт лежит на свалке-
Из дюрАля чешуя.
Самолёт лежит на свалке,
Беззащитный, как дитя.
Он на солнышке сверкает,
Он на солнышке блестит,
От своей отбившись «стаи»,
«МИГ» на дне земном лежит.
Дотянул бы он до дому,
Да не хватило топлива.
Эй, вы там, на эродроме!
Неужели пофиг вам?!
Самолёта ж нету дома –
Вот вторые пошли су...
Может было б по другому,
Если б был бы это «СУ»?
Чёрны вороны летают,
по неволе он лежит,
И судьбу его решают
Подневольные бомжи.
Лётчик среди них, он плачет,
С криком спирт вонючий пьёт.
И икается всё чаще
Тем, кто керосин крадёт.

«Окой» за «Оку»

Автолюбитель Покрышкин начинал с «Запорожца». Теперь у него «Ока». Понятно, что не новая, но зато какой цвет – ярко-красный, я бы даже сказал – насыщенно-красный.

Цвет выбрал специально, чтобы пешеходы завистливо поглядывали, чтобы соседи выпадали из форточек, когда он будет ставить свою красавицу возле подъезда. Нет, вы не подумайте, у Покрышкина и гараж есть. Железный. Кстати, о соседях: в первый же день покупки соседский мальчишка, недомерок, на капоте красной красавицы серп и молот гвоздём выцарапал. Покрышкин всыпал недомерку, оттоскав того за ухо, заштриховал серп и молот, и ездит себе, и настроение у него – прекрасное.

Вот и сегодня Покрышкин в прекрасном настроении возвращался с работы домой на своей «Оке». Он не торопился, был осторожен и внимателен. Приостанавливался перед каждой ямкой, вежливо уступал дорогу «Тойотам» и «Поршам», даже «Жигулям». Если его пытался подрезать какой-нибудь «Джип» с бритоголовыми пацанами на борту, Покрышкин резко тормозил. Тогда он создавал вид вынужденной остановки, вылазил наружу и, покачивая головой, осматривал свою ласточку, то колёса, то капот, то передок. И это срабатывало – «Джип» с ржущими пацанами на борту оставлял его в покое.

До дома оставалось каких– нибудь пять минуты езды, на автостраде было спокойно, и тут Покрышкин увидел перед собой чёрный «Мерседес» последней модели и узнал его.

– Да это же тот, который Пашку вчера долбанул!– присвистнул Полкрышкин.

Он для интереса набрал скорость и поравнялся с «Мерседесом». За рулём «мерса» сидел солидный, грузный мужчина, в галстуке.

– Точно – он! – выкрикнул Покрышкин и вспомнил как было дело.

А дело было так. Покрышкин собаку выгуливал во дворе. Вдруг, видит: едет мимо домов синяя «Ока» Пашки (единомышленника по спиртному и соседа по площадки. Да, ещё, это его сынка Покрышкин за серп и молот проучил). Итак, едет мимо домов синяя «Ока» Пашки, а позади неё этот самый чёрный «мерс» пристроился.» Мерс» никак «Оку» объехать не мог, потому что та постоянно виляла. В конце концов водитель «Мерседеса» решился на отчаянный шаг – не переставая бибикать, он рискнул протиснуться между высоким бордюром и Пашкиной «Окой» и... не протиснулся. «Мерседес» последней модели въехал таки в зад «Оке». Синяя «Ока» остановилась и из неё вывалился тоже синий Пашка, из «месра» вышел грузный мужчина в галстуке. Пашка попытался было поставить «грузного» на «бабки». На это «грузный» отреагировал так – он поставил Пашку... на голову и воткнул того прямо башкой в клумбу. И уехал.

Вот как было дело. Покрышкин поморщился – почему «Джипам» и «мерсам» можно ездить как попало, а «Запорожцам» и «Окам» нельзя?

Полкрышкин с ненавистью посмотрел на водителя «Мерседеса». Тот, видимо, почувствовал его обжигающий взгляд и повернулся к нему фейсом. Грузный кивнул -мол, объезжай. Если хочешь. Покрышкин не спешил с объездом, он глянул на бампер «мерса», на том ни царапинки.

– А Пашка до сих пор из-под своей синей «Оки» в своём гараже не вылазит,– сплюнул Покрышкин и тут же торопливо затёр плевок ногой.– Он же, гад, его «Оку» как пивную банку в гармошку смял.

Пока Покрышкин разговаривал сам с собой чёрный «Мерседес» последней модели уехал далеко вперёд. Полкрыш-

кин, обнаружив исчезновение «мерса», забеспокоился непонятно о чём и стал набирать обороты.

– Вот ты где!– зло хохотнул он, когда нагнал «Мерседес» и пристроился позади него.

Грузный обернулся, потом ещё. Всякий раз «грузный» испуганно смотрел на Полкрышкина. Тот почувствовал себя очень смелым и очень сильным.

Чёрный «Мерседес» прибавил скорость, красная «Ока» нагнала его. «Мерс» ещё прибавил скорость.

– Уйдёт,– засопел Покрышкин, выжимая из своей машинёшки всё возможное.

И тут с «мерсом» что-то случилось, «грузный» начал сбавлять скорость. Покрышкин понял – другой возможности не будет.

– За Пашку, за все «Ока», «Оки», тьфу! Да какая разница!– закричал Покрышкин и от удара его сначала вдавило в кресло, а затем бросило грудью на руль. «Би-и-и-и!!!!– понеслось по автостраде.

Рабочие МЧС вытаскивали Покрышкина из клумбы , неизвестно кем разбитой рядом с автострадой.

– Воткнул бы поглубже – задохнулся бы, – почему-то хохотали они, ставя того на ноги. Когда поставили ровно, спросили:

– Живой? Камикадзе?!

– Живой,– отозвался Покрышкин и удовлетворённой рожей широко улыбнулся.

Наконец-то! Этот отремонтирует...

Наконец-то мы, жильцы дома номер 37, что по улице Тимати рассудились со старой управляющей компанией ЖКХ и выбрали себе новую. И теперь она будет ремонтировать наш многострадальный дом. Прежняя жилуправа совсем не занималась ремонтом, а только брала с нас квартплату, но с этой всё будет не так. На эту мы очень даже надеемся, особенно на её директора.

Вы бы видели его – не директор, а конфетка! Молод, здоров! Дорогой костюм, блеск в глазах, активность в движениях. А как он говорит...

Тут было у нас собрание. «Я ваш дом ВО! как отремонтирую!– сказал он.» Так сказал, что нас, жильцов аж в пот бросило. И мы ему поверили, этот отремонтирует.

Наконец-то!

Наконец-то трубы в наших квартирах перестанут течь, канализация вонять. батареи начнут (мать их) греть! Наконец-то наш дом преобразится: отштукатурят и побелят фасад, залатают крышу, поправят сливные трубы, кривые как турецкая сабля. Наконец-то!

– Наконец-то вы наш дом отремонтируете?– спросили мы как отца родного директора этой маленькой, но с очень шикарным офисом жилконторы.

– Я ваш дом ВО! как отремонтирую!– сказал он и похлопал некоторых из нас по вспотевшей спине. – Ещё бы,– добавил он и потрепал вспотевшие щёчки сухонькой старушки из 92-ой.

– Наконец-то!– радостно закричали мы, выпустив весь воздух из своих лёгких.

– Отремонтирую, дети мои!– положа руку на сердце, поклялся директор и сел в свой лимузин.

Не лимузин, а конфетка. И директор – конфетка. Мы махали платочками и умилённо сушили слёзы под глазами.

И только один человек нас немного расстроил – это пьяный сантехник из этой самой жилуправы. Грязный и дурнопахнувший, он сплюнул папиросу нам под ноги и нехорошо оскалился.

– Хе! Дурачки!– сказал сантехник.-Не он ваш дом будет ремонтировать, а вы его особняк. Чё вылупились? Наш директор особняк себе купил – восемнадцатый век! Там ремонту: у-у-у-у! А где денежки на него взять как не у вас. Хе! Дурачки!

Сказал, закурил по-новой и пошёл. Гад. А мы , хотя и стояли в полной тишине часа два, всё равно не поверили ему. Вот.

Писаки

Использованная туалетная бумага была уложена в одноразовые мешки. С мойкой предметов, предназначенных для удобного отправления большой и малой нужды, также было покончено, они блестели идеальной чистотой и вкусно пахли. Оставалось выдраить кафельные стены и пол туалета. Но если пол являлся обычным грязным полом, то вот стены... Оглядев их, уборщица Матвеевна сокрушённо вздохнула.

– Вроде бы взрослые, серьёзные люди, а ведут себя хуже детей и прыщавой молодёжи,– выразила Матвеевна свою мысль вслух. Также вслух она прочитала некоторые надписи, писаные шариковыми ручками, маркерами и т.п:

– Круглов – вор!

Ну и что?

Президент рулит!

Это где он рулит?

Завтра не спать, сони!!!

Критикуя, предлагай.

Тут?

А где ещё?

Ну вас. «Спартак» – чемпион!

Коля+Лия+Ция = коалиция...

– Эх,– ещё раз вздохнула Матвеевна и со знанием дела взялась за тряпку и пластмассовую бутыль с моющим средством...

Через час Матвеевна наконец вышла из мужского туалета и, гремя вёдрами, направилась по длинной красной дорожке. В полутёмных кулуарах огромного правительственного здания народных заседателей было тихо – рабочий день депутатов давно закончился.

Утро. Депутат Центов вошёл в один из мужских туалетов, он суетно заглянул в углы туалета, затем присел на корточки и посмотрел под дверки кабинок – никого. Депутат Центов вскочил на ноги и вытащил из внутреннего кармана пиджака чёрный маркер. Он снял с маркера колпачок, повернулся к кафельной стене и ахнул. Во всю стену мужского туалета депутатов Государственной Думы обычной женской помадой было выведено:

«ЛУЧШЕ ПИШИТЕ ХОРОШИЕ ЗАКОНЫ, ПИСАКИ!»

И подпись:

«Уборщица Матвеевна.»

Жаба

(мечта)

Операционная: на столе больной под наркозом, рядом хирург и его помощница – идёт операция.

Больной: Снова грядут выборы, надо готовиться...Деньги...акции...

Помощница: Бредит сердешный.

Хирург: Скальпель. Блин – забыл где резать. А! Вспомнил *(режет больного)*.

Больной: Подписи,деньги...Хочу ещё денег...Акции? Покупать!

Помощница: Потерпи, сердешный.

Хирург: Зажим. А чего ему терпеть-то – он под наркозом. А сколько электорат его терпел?

Что он хорошего сделал людям? Государству? Он жил только для себя! Ещё зажим. Пинцет! (копается пинцетом в больном).

Больной: Ничего, мы их всех: купим, обойдём, убъём...

Помощница: Господи. Страсти-то какие.

Хирург: Вот она, вот она родимая! Ну-ка вылазь на свет божий *(руками достаёт из больного огромную жабу)*. А ведь могла и совсем задавить человека *(бросает жабу на поднос)*. Тампон!

Помощница: Фи! И как такие жабы людям в организм попадают?

Больной: Выборы? А мне то что? Деньги? Ещё старых не истратил. И вообще, пошли вы... со своими акциями... К жене хочу, к детям...

Хирург: Нить. А ему воткните ещё кубик нашего с вами фирменного. Надоел, бубнит как радио.

Помощница: Ну зачем вы так. Человек добровольно согласился на операцию. Именно нас с вами попросил об этом.

Хирург: Мда. Удивительно(зашивает больного).

Помощница: Тем более в наше время.

СОВЕСТЬ и ДОБРОТА закачивали операцию.

Занавес.

Жаба: Ква!

Вот теперь точно – занавес.

Подпишите

А на улице была весна, и пели птички, и падали сосульки с крыш. Очень метко падали.

Благодаря такой меткой сосульки и оказался на больничной койке Иван Иванович Яблочкин.

Как только Иван Иванович пришёл в себя он увидел троих, склонившихся над ним, мужчин, это были: лечащий врач, представитель жилконторы и адвокат.

– Как ваше самочуствие? – спросил лечащий врач.

– Боле-менее,– промямлил Яблочкин.

– Чудненько,– пропел доктор и, потирая свои ладони как-будто они у него замёрзли, упорхнул.

– А вы кто двое?

– Представитель жилконторы, которой вверен дом, с крыши которого упала сосулька на вашу буйну-голову. Моя фамилия – Спивак.

– Адвокат Денежкин.

– А у меня есть адвокат?– удивился Иван Иванович.

– Теперь есть. Господин Яблочкин,– адвокат коснулся толстыми губами уха Ивана Ивановича,– Мы из этого ЖеКа такое бабло вытрясем. Ухх! Вам ведь не сосулька упала, вам счастливый билет на башку приземлился.

– Больно приземлился.

– Так!– представитель жилконторы буквально отпихнул адвоката от Яблочкина.– Значит так, господин пострадавший! Наш ЖэК ни в чём не виноват. Солнце пекло, снег на крыше таял – законы природы. И вообще, может вы специально стояли под сосулькой и ждали когда она упадёт вам на голову. Ни о какой денежной компенсации не может идти и речи!

– Как это не может идти и речи?!– на этот раз адвокат больно пихнул представителя ЖэКа.– Иван Иванович, вы

должны подписать вот эти бумаги и мы их. Ухх!

В слабой руке Яблочкина очутилась шариковая ручка, а на грудь легли несколько листков какого-то текста.

– Они должны сбивать с крыш сосульки, а они... раздолбаи. Пдписывайте,– давил адвокат.

И тут представитель жилконторы – Спивак бухнулся на колени:– Не губии-ите!– он протянул руки к Иван Ивановичу Яблочкину.– Даже если вы что-то отсудите, эти деньги вычтут из зарплат наших работников. А у всех дети!

Иван Иванович впал в замешательство.

– Судить этот ЖэК надо, господин Яблочкин, судить! – продолжлал давить адвокат Денежкин.

– Дети!– протягивал руки Спивак, продолжая стоять на коленях.

– Деньги! – давил адвокат.– Подписывайте!

– Не пдписывайте!

– Хватит!!!– наконец не выдержал Яблочкин, чуть не сорвав голос.– Вот ваши бумаги, я их не подпишу. И вы идите с миром.

Как только испарился Спивак и нехотя удалился адвокат Денежкин, на грудь выздоравливающего Яблочкина легла другая стопка из нескольких листков. Их положил доктор, то бишь лечащий врач.

– Я, кстати, не представился. Кровопийцев – моя фамилия,– улыбнулся во все редкие зубы доктор.

– Это счета за лечение. Подпишите.

В слабой руке Яблочкина очутилась шариковая ручка.

Таблеточка

Больница. В палату входят врач и новенькая медсестра.

Врач (объясняет медсестре):

– Валечка. Вот это у нас смешанная палата, здесь лежат всего двое – платный больной и бесплатный. Вот с этим больным (он платный, то есть платит за услуги) будьте повнимательней. Если что, сразу же успокоительное, физраствор, массаж. Можно перед сном одеяльце подбить. Короче, исполняйте всё, что он ни попросит.

Ну а вот этот больной – он у нас бесплатный, то есть не платит за наши услуги. С этим больным, с ним всё просто, видите – он спит. Как проснётся, давайте ему выпить таблеточку от зависти и всё. Этого достаточно.

Медсестра (шёпотом):

Иван Ильич, я конечно в медучилище хорошо училась, но... я забыла. Таблеточка от зависти – это какая?

Врач (хохоча):

– Снотворное, любое. Но – очень дешёвое.

Лево руля! Право руля!

А кругом были мины. Мины были кругом: враги расположили их так, что, казалось, взрыва не миновать...

Но бравый капитан был очень бравым. Выпитые им накануне полбутылки крепчайшего рома у кого другого нарушили бы реакцию, но нашему капитану выпитое спиртное наоборот придавало собранность и ясную понятливость не простой ситуации.

Посасывая дымную трубку, весело, озорно, но в тоже время чётко и весомо он отдавал приказы:

– Лево руля! Право руля!

Мины одна за другой оставались позади.

– Да сколько же вас, акулы вам в дышло!– ворчал со злым смешком бравый капитан.

А была ранняя весна, и стояла такая темень. Бравый капитан слегка щурился, щурился и хитро улыбался. Эта страшная игра была ему по нраву, ох как по нраву.

– Лево руля! Право руля!

И тут мины закончились.

– Стоп машина!– скомандовал капитан. Он набил трубку по новой душистым табаком, закурил и произнёс значимо:

– Да-а, в войну было легче.

Конечно это он пошутил. Весенним вечерочком шёл от своего друга-фронтовика, возвращался домой наш бравый капитан – капитан первого ранга военно-морского флота, ветеран Великой Отечественной войны. А мины...минами ему представлялись открытые колодцы и вырытые канавы деятелями ЖКХа, у которых как всегда ни ограждений, ни предупредительных знаков, ни освещения.

В подъезде, кстати, тоже не горели лампочки. А бомжей развелось...

– Лево руля! Право руля!

Вывод

Семечкин позвонил, звонок не работал. Семечкин толкнул дверь – она оказалось не запертой.

– Хозяин!– позвал Сёма Самечкин, входя в квартиру своего друга, Рустама Шарипова.

Ответа не последовало. Раздвинув шторы, Семечнкин из прихожей шагнул в комнату и ахнул: Рустам Шарипов вешался.

В выходном костюме, в начищенных туфлях, хозяин квартиры топтался на отчаянно пищавшем табурете, пытаясь просунуть свою огромную лысую голову в тесную для неё петлю

– Рустам, ты это чего?_ выдавил из себя Сёма.

– Как чего? – нервно дышал Рустам.– Очки одень, если не видишь, вешаюсь.

– А из-за чего?

– Что за вопрос? Конечно, жить надоело.

– А из-за чего?

– Ты что, попугай? Во-первых, меня сократила на родном предприятии, где я проработал двадцать пять лет, во-вторых, мне до пенсии ещё целых три года, в-третьих, во всём городе токаря шестого разряда никто не хочет брать на работу.

– А пособие по безработице?

От смеха Рустам чуть не упал с табурета. И тут Сёма вскипел:

– Ты думаешь, что я дурак, да? А дурак – это ты. Ты даже не можешь правильно повеситься.

– Татары могут всё!– сжал кулаки ещё не старый Рустам.

– А ты сам посмотри: верёвка у тебя слишком короткая и крючок для люстры тебя не выдержит.

– На счёт верёвочки – не надо, всё вымерено. И голова пролезет, и ноги до пола не достанут. А крючок я испытывал, он надёжен.

Исчерпав себя, Сёма Семечкин надул губы.

– Я к нему, как к человеку, с пузырём, а он – вешаться.– Сёма горестно вздохнул и уже развернулся, чтобы уйти.

– С пузырём?– другим голосом переспросил Рустам.

Не оборачиваясь, Сёма мотнул головой.

– Перед смертью что-ли?

– Тьфу!

– Ну не сердись, погоди, Семён. Иди на кухню, я сейчас.

– Давно бы так,– проворчал Семечкин и отправился на кухню. Только он подготовил стаканы и заглянул в холодильник, как раздался грохот упавшего табурета и демонический хрип Рустама сотряс воздух.

Сёма выскочил в комнату. Несчастный, словно пойманная рыба, извивался на удавке, пытаясь одной рукой ослабить узел, другой же он подавал красноречивые знаки. Семечкин поставил на ножки табурет и помог обрести опору самоубийце.

– Надумал-таки!

– Не-а,– Рустам Шарипов, откашливаясь, глубоко дышал,– наоборот, передумал. Я проверил: и верёвка как раз и крючок выдержал.

– Но зачем было проверять-то, а? Я тебе и так верил.

– А я для себя проверял. И вот что я теперь думаю: раз я такой умный, ещё не старый, неужто я выход не найду? А, Семён?

– Вместе поищем его, Рустамчик.

Вот он наш малыш...

Наступал Новый год.

Нетерпеливый Сашка – это наш с Людмилой восьмилетний сын – уплетал торт, запивая его кока-колой и глазел в телевизор. Стол уже был накрыт, и поэтому нам всем: мне, жене Людмиле плюс немногочисленным гостям, тёще и тестю,– ничего не оставалось, как ждать боя кремлёвских курантов.

– Пап,– подал голос Сашка (а он его без конца подавал), – пап, а дядя Путин будет сегодня с телевизора сказку читать?

– Какую?– я сделал вид, что не понимаю.

– Как какую? Про нашу жизнь в наступающем году. Как она у нас здорово улучьшится.

– Это не сказка, а программа будущих действий правительства,– строго напомнила тёща Клавдия Петровна.

– Внучок-то наш политически мыслит,– одобрительно хмыкнул тесть Семён Семёныч.– И с юмором парень. Далеко пойдёт.

– А дедушка наш на Явлинского похож, такой же нечёсаный,– ни с того ни с сего точно подметил Сашка, и серьёзно добавил: – И к людям, интеллигентным, подход имеет.

Семён Семёныч рассмеялся:

– Спасибо, что не с Жириновским сравнил:

– Пожалуйста. А вот бабушка как раз на Жириновского похожа.

Клавдия Петровна часто-часто захлопала наклеенными ресницами и закурила сигарету. Вообще она была женщиной импульсивной и мало понимающей шуток.

– Это почему я похожа на Жириновского? Во-первых, я женщина, во-вторых...Короче, Саша, ты ошибаешься.

– Нет, не ошибаюсь. Вы всё время спорите и руки распускаете на дедушку.

– Саша, сейчас пойдёшь спать,– предупредила сына Людмила и одарила меня нехорошим взглядом, мол, твоё воспитание.– Мама, не обращай внимания на этого балбеса,– попыталась жена успокоить Клавдию Петровну, но ту уже понесло.

– Нет, это интересно, Семён,– обратилась она к своему мужу,– я похожа на Жириновского?

– Ну, как сказать,– вслух раздумывал тесть,– как бы это помягче сказать...– он не успел додумать свою мысль до конца как получил подзатыльник от несдержанной Клавдии Петровны.

– Так, дебаты начались, -снова подал голос Сашка.

Вдруг создавшуюся малоприятную обстановку разрядил звонок в дверь. Я пошёл открывать.

– К нам пришёл дед Мороз!– радостно сообщил я всем.

– Не дед Мороз, а Санта Клаус, не вставая из-за стола, поправил сын.

– Александр, встретить не хочешь дедушку Мороза? Он тебе подарочек принёс, изменившись вдруг в настроении, засюсюкала тёща.

– Вот ещё. За всё заплачено.

Дед Мороз, (пардон) Санта Клаус, так и не дождавшись, когда же его наконец-таки встретит ребёнок, сам прошёл в комнату.

– Вот он наш малыш!– хорошо отрепетированным голосом воскликнул Санта Клаус.– Если Саша нам прочтёт стишок, то получит за это приз!

– Сейчас,– Сашка облизал пальцы и встал на стул. -»Однажды в студёную зимнюю пору...» – громко начал декламировать сын.

– Молодца! Шарман! Продолжай, сынок,– поддержала его благодарная публика.

Сын кашлянул в кулак и продолжил громко и внятно:
Компанией пьяной мы прыгали в прорубь.
С той страшной поры картина такая:
Не любим, не курим, не пьём, и всё время икаем.
Теперь из больницы мы выйдем не скоро...
Ребята, не пейте в студёную зимнюю пору!

– Мда,– я закрыл глаза, как будто собрался спать стоя.

Клавдия Петровна дико заржала. У Санта Клауса отклеился ус и натурально покраснели щёки.

– Это же твои дурацкие вирши,– прошипела мне в ухо жена.

– Я же не виноват в том, что ребёнок читает всё подряд,– смиренно попытался оправдаться я.

Санта Клаус быстро оправился, мол и не такое видел-слышал.

– Хорошо,– сказал он.– А теперь приз. Угадай, что у меня за спиной в правой руке?

– А может ещё спеть?– предложил Сашка.

– Не надо,– оборвал его Санта Клаус.

– Тогда давайте торговаться как Якубович в «Поле чудес».Предлагайте сразу миллион, возьму деньги.

– Прекрати,– рыкнула на Сашку жена.– Угадывай и всё!

– Верное средство от СПИДа, которое наконец-то изобрели!

– Не-а, это машинка! С пультом управления,– торжествовал Санта Клаус.

Забирая коробку, Сашка был явно не доволен.

– А в левой?– продолжал свой допрос Санта Клаус.

– Другая машинка,-явно съёрничал Сашка.

– А вот и нет!– Санта Клаус с лёгкостью иллюзиониста вывернул из-за спины веером развёрнутые бумаги.– Это акции нескольких предприятий нашей страны!

– Возьми, сынок,– смягчилась жена.

– Это тебе, сынок, от меня, мамы и от дедушки с бабушкой,– сообщил я.– Когда вырастешь – пригодятся.

– Спасибо, только эти предприятия прогорят,-сказал сын, рассматривая акции.– Могу провести ликбез о слабых сторонах данных предприятий, а если учесть недавно введённые санкции против России другими странами...

– Господи!– выдохнул Санта Клаус.– Ещё же хотел выпить перед работой.

– Пап, можно я их на ёлке развешу? Бумажки-то красивые.

– Конечно, сынок.

И тут, наконец, ударили куранты. Сашка грохнул хлопушкой. Санта Клаус упал в обморок.

Оельшки

Любовь до пробы
Сэкстремал
Он жил с молодой,
красивой женой и был сказочно рогат
Примадомна
Селикомовая грудь
Тутаахломон
Дюймордочка
Доколентэ
Гламымрная
Якуукутка
Крем для мук
Скатерть матомбранка
Вор в бетоне
Дай джип на счастье в лапу мне!
Вернопотдатый
Ваучеродей
Психоловики
Работадятел
Скипидаровитый
Писающий бухальщик
Пришёл. Увидел. Похмелил.
Сигареты «Прима в морг»
Забрыгаловка
Глючевые слова
Гоп-спальный район
Гоп-стоп! Мы подошли из ЖКХа!
Градообгаживающее предприятие.
Мумиё...прст...
Кишачник

Зудотехник
Бульдозверист
Обсекьюрик
Мускулхалтура
Трикостаж
Параотшютист
Травмоплин
Спасите наши туши!
Бабушка скалушкой дедушку
Мы все воруем по-немногу...
Ясельный ум.
Руковорец.
Застрянги.
ЖэКахамы.
Попрошайка – лейка.
Подмухабойка.
ГиБэДэДаньщик.
Грубье.
Козлыктив.
Дилетанк.
Жорпоездка.
Грамморар.
Кукарекутюрье.
Порчта.
Скипидархенды.
Трудовгробик.
Конькурент.

Бестолковый словарь

Врубель – боксёр.
Вороток – воришка проводов.
Гладиатор – утюг.
Лейтмотив – застольная песня.
Тайфун – сломанный холодильник.
Стокгольм – городская баня.
Кубометр – остров Куба
Колодка – картёжница.
Кутузка – повязка на отсутствующий глаз.
Крохобор – оазис.
Коромысло – голова человека.
Короед – зомби.
Кубик Рубика – наркотик.
Колхозник – за колья (палач)отвечающий на Руси.
Карапуз – харакири.
Тюбетейка – прохудившийся тюбик.
Пенелопа – любитель(ница) разливного пива.
Отруби – сильно выпившие люди.
Самокрутка – фигуристка-одиночка.
Чертёж – тёща с бигудями на голове.
Уролог – работник кладбища.

Диаложки

***

– Бабушка, расскажи сказку про репку.

– Попроси дедушку, внучек.

– Не, ему опять плохо станет.

– Да это почему ещё?

– Да когда все соберутся – ну, бабка за дедкой встанет, внучка за бабкой, жучка за внучкой, кошка за жучкой, да ещё потом мышку позовут...наш дедушка плакать начнёт, за сердце хвататься будет.

– Да отчего же за сердце-то, внучек?!

– Ностальгия, говорит. По-прошлому, по очередям.

***

– Ну и работка у меня, всё, уволюсь к чёртовой матери! Вчера посылают в один дом, я его как увидел – чуть с ума не сошёл. Дом весь чёрный-пречёрный. Захожу я в этот чёрный-пречёрный дом, поднимаюсь по чёрной-пречёрной лестнице, открываю чёрную-пречёрную дверь, вхожу в чёрную-пречёрную комнату,а там... стоит чёрная-пречёрная кровать, и на ней мужик лежит неподвижно, тоже чёрный-пречёрный. Я к мужику-то склонился, а он как заорёт: «Отдай моё сердце!!!»... Чё? Испугался? Вот и я тогда ещё как испугался. Потом мужик закурить попросил, пьяный был... Нет, всё, уйду я с этой работы.

– С-слушай, приятель, а ты кем работаешь, а?

– Я-то? Да пожарник я! Ёлы-палы!

***

Звонок в дверь.

– Кто там?

– Мы тут тараканов выводим! Из двадцать первой квартиры штук триста выели! Все как на подбор! Красавцы!

– Ну и что?

– Ну и что. Бездомные они теперь!

***

Спасатель:

– Эй! Глупый пИнгвин! Ты чего там прячешь своё тело жирное в утёсах?!

Альпинист:

– Я ничего не прячу!!!...Я застрял!!!

***

Мужики опустили гроб в могилу. Один, как бы в шутку, постучал по крышке:

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не ожил.

Голос из гроба:

– Кто там?

***

– Может продадим нашу дачку, милая?

– Что?! Нашу дачку?! Да я без неё как без рук! Как без рук, как без ног, как без спины... Продавай её к чёртовой матери!

***

– Мужик, хочешь тебя ограблю?

– Хочу. Вот грабли, грабь.

***

– Жена, я умираю.

– И что? Что мне теперь рыдать, да?

– Не надо рыдать. Ты лучше спой мне песенку – мою любимую: «Миленький ты мой, возьми меня с собой.»

***

– Пап, позолоти ручку!

– Мда-а...Очень ты огорчил меня, сынок. Что ж, держи деньги.

– Пап, я огорчил тебя тем, что деньги попросил? Хорошо, раз тебе жалко...

– Да не жалко, не жалко, сынок. Проси – сколько надо. Но, вот эта цыганская юбка на тебе, мамин лифчик..

***

– Моя собачка вот как может: Шарик, фас!

– А моя собачка вот как умеет: Тузик, фас! Тузик, профиль!

***

– Бабушка, я на уроке анатомии нечайно скелет человека сломал. Что мне делать, а?

– Скелет? Боже! Спасибо, Вовочка, что напомнил! Пойду – шкаф открою, сто лет его не открывала. Может, заодно, и тебе чем помогу.

***

– Гори-гори ясно, чтобы не погасла.

– Ах, ты моя деточка, ух, ты моя, пироманочка. Ёлку потуши, я сказала!

***

– Ой! Негрятёночек! А ты кем хочешь стать, когда вырастишь, негрятёночек?

– Сама ты – негра. А я – Серёжа. Я пожарником хочу стать.

***

– Серёга, а ты где летом отдыхал?

– У бабушки.

– И чё?

– А ничё. Солнечный удар, искусственное дыхание, отравление, кость в горле.

– Не поняли.

– Я говорю – загорал, купался, по грибы ходил, рыбачил. Здорово, короче, отдохнул, ребята!

***

– Мама, а ты топлёное молоко будешь?

– Дочка, я же просила обычного купить молока.

– А я когда из магазина шла – пакет с молоком нечайно в лужу уронила.

***

– Доктор, я прошу вас только об одном – оставьте мне ногу.

– Да пожалуйста. После такой катастрофы – тут этих ног... девать некуда!

***

Больница. Медсестра – врачу (шёпотом):

– Доктор, у меня там больной, тот что новенький, в какую-то пищалку крякает. Может психиатра позвать?

Доктор: – Не, не надо. Это профессиональный охотник. Он, наверное, так «утку» просит.

***

Пьяный мужик в баре:

– А стрип-птиз будет?

Двое ханурикoв:

– Из бара выйдешь, будет.

***

– Господи! Я этого не вынесу!

– Я тебе не вынесу! Будешь ныть – больше с собой на дело не возьму, понял?

***

– Мальчик! Ты куда дружинника повёл?

– В травмпункт, куда ещё такого вести. О! Слышишь?! Это отец мой пьяный орёт. Он этих самых дружинников рубит, а я отвожу.

***

– Мужик, дай прикурить.

– Я что, на прикуриватель похож?

– Нет. Но на боксёрскую грушу – точно.

***

– Официант! Счёт!

– Один ноль в вашу пользу – вы же ничего не заказывали.

***

Мужик -бутылке водки:

– Допью я тебя, родимая.

Водка:

– Не допивай меня, Иванушка. Я тебе ещё пригожусь... утром.

***

Семья мутантов. Жена пилит мужа:

– Вон у других-то жён мужья зашиваются от алкоголя. А ты всё пьёшь и пьёшь в две глотки.

Муж:

– Ладно – уговорила. Завтра пойду в больницу – зашью одну.

***

– Мань! Дай! Чай!

– Щас! Может тебе ещё китайский принести.

***

Больной– медсестре, готовящейся ставить ему укол:

– Сестричка. А ты не графиня Калиостро случайно?

– Нет. Я – Глаша. Глаша Шампурова. А что?

***

В аптеке.

– С похмелья мне и похмелиться нельзя – на работу идти надо. Мне бы таблеток...этих..ну как их? С партизанами что-то связано.

– А! Вам нужен антиполицай?

– Я-я! Натюрлих!

***

– Молодой человек, как вам не стыдно! Идёте по улице, мало того, что пьяный, так ещё и громко сквернословите! Мне, учительнице литературы, стыдно за вас!

– Да пошла ты в...велик и могуч русский язык, мать!

***

Две подружки:

– А король-то голый!

– Какой он тебе король – обыкновенный стриптизёр. Хотя, да, он – король...

***

Двое блондинок садятся на лавочку в парке, тут же вскакивают с неё и визжат как блаженные:

– Ну мы и влипли-и!

– Ага! Лавка-то крашенна-ая-я!

Затем подумав:

– Хотя...полосатенько.

– Ага... гламурненько.

***

– Мой-то вчера припёрся домой пьянющий в драбадан, но с цветком. Прямо с порога свалился на пол и прикололся.

– Это как?

– Мордой. К розе, что принёс.

***

– Вчера Вальку Тарасову встретила. Ну, одноклассница наша, помнишь?

– Конечно помню. Как она выглядит спустя столько лет?

– Ты знаешь, талия у неё как прежде – тонюсенькая-тонюсенькая.

– Завидую. Молодец. А остальное?

– Ты когда-нибудь песочные часы видела? Так вот представь огромные песочные часы.

***

Мальвина:

– Артэмон! Артэмон! Наш Буратино в речку упал, а когда высох, то его повело.Он такой теперь страшный, и он мучается. Что делать, Артэмон?!

– Может его утопить по-нормальному, с камнем на шее. Чтоб не мучился.

***

Дед – золотой рыбке:

– Бабка просит новое корыто.

– Хорошо. Будет ей лада «калина».

***

Идёт Чебурашка, уши у него как у слона, аж по земле волочатся. Навстречу ему крокодил Гена:

– Что с твоими ушами, Чебурашка?

– Старуха Шапокляк надёргала. Оказывается, сегодня у меня день рождения – это она мне так сказала.Никто же не знает , когда у меня день рождения... Тысяча сто сорок стукнуло...

***

– Сколь раз увижу – столь раз убью, сколь раз увижу – столь раз убью...

– Ну что, проснулся, «Бумбараш» хренов. А я тебе давно, муженёк, говорила, что в нашем диване клопы завелись!

***

– Эй, вы там, на верху! Не топочите как слоны!

– Эт-то мы не т-топочем. Это мы ... так падаем...

***

– А откуда такая странная кличка у вашего кота?

– Понимаете, когда дочурка принесла его, крохотного, в наш дом – мы с женой поначалу решили, что это щеночек и назвали его – Гав. Но потом выяснилось, что это не щеночек, а котёночек. Пришлось к Гав добавить Мяу, получилось – Гавмяу. Вот откуда такая странная кличка у нашего кота. А кто это к нам идёт? А это дочурка наша маленькая идёт. Олегофрося, поздоровайся с дядей. Вы, наверное, хотите спросить откуда такое странное имя у нашей дочурки?. Понимаете, когда жена родила нашу девочку, мы сначала подумали, что это мальчик...

Содержание

Стой! Кто идёт?! 3
Азартный Василий 5
Артистка огородная 7
Почитатели Вуду 8
Глаза закрою, вижу.... 10
В атобусе 12
Счастливого вам пути! 14
Моя женщина. 15
Весёлые зверушки. 17
Подарок 19
Африканская байка 19
Сказка на ночь 20
Издержки профессии 21
Любимая колбочка 22
Рукастый папа 24
Новый вид 25
Сказка с моралью 26
Волшебный холодильник 28
Критику принял. 30
Черенок 32
Аварийная посадка 33
Будет весело. 36
Гело. С Марса 38
Игра длиною в жизнь 40
Ухо Хира 43
Космический бизнес Ползункова 46
Вкусы НЛО 48
Могу попробовать? 49
Фундук 50
Золотая рыбка 52
Через нервы к звёздам 53

Мутант обыкновенный 55
Херя 57
Разговор в курилке 60
Роковая дуэль. 63
Забывчивая мадам 66
Не-а! 66
Свадебный гость 69
Жутики 72
Весёлая же...же... 74
Месть 77
Тост, произнесённый шёпотом 79
Тосты гор 81
Голливудская улыбка 85
Ловушка старушки 86
Хочу – не могу 88
Свои методы 90
Трусы отдать? 92
Каменный цветок Тришкина 93
Люк 95
Нонсенс 97
Эти глаза напротив 99
Настроение 101
Страшный сон 102
До больницы был уверен 104
Во-о-о!!! 106
Звери-инвалиды. 109
Чёрная в белом 110
«Продукт» нашего времени 112
Камикадзе 114
Бомж 118
Самолёт лежит на свалке 119
«Окой» за «Оку» 120
Наконец-то! Этот отремонтирует... 123

Писаки 125
Жаба 126
Подпишите. 128
Таблеточка 130
Лево руля! Право руля!. 131
Вывод 132
Вот он наш малыш... 134
Ослышки 138
Бестолковый словарь 140
Диаложки 141

Литературно-художественное издание

© Олег ПРЯНИЧНИКОВ

Вывод

Сборник иронических,
юмористических и сатирических произведений

Издательство
Союз писателей
Сила в творчестве

Главный редактор: **Денис Суховейко**
Верстка: **Марина Дьяченко**
© Обложка: **Алиса Дьяченко**
Корректура: **Анастасия Русских**

Отпечатано в типографии
издательства «Союз Писателей»

654044, г. Новокузнецк,
Кемеровская обл., ул. Куйбышева, 18-34.
***Тел**. +7 (3843) 33-51-40*
+7 (3843) 72-48-49
***E-mail**: soyuz.pisatelei@gmail.com*
***Сайт**: http://soyuz-pisatelei.ru*
***Интернет-магазин**: http://soyuz-pisatelei.ru/shop*
http://planeta-knig.ru

ББК84(2Рос+Рус) 6-5
П/858УДК 882
ISBN

Подписано в печать: _____
Бумага офсетная. Гарнитура
«Times New Roman»
Тираж: 50 экз